

СЕРГЕЙ БАЛМАСОВ

РУССКИЙ ШТЫК

НА ЧУЖДОЙ ВОЙНЕ

ПЯТЫЙ РИМ

Сергей Балмасов

РУССКИЙ ШТЫК НА ЧУЖОЙ ВОЙНЕ

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

УДК 355/11
ББК 63.3(2)612
Б 20

Оформление переплета М. Левыкина

Балмасов С. С.
Б 20 Русский штык на чужой войне. — М.: Издательство «Пятый Рим»
(ООО «Бестселлер»), 2017. — 832 с.

ISBN 978-5-9908266-1-8

В книге «Русский штык на чужой войне» на основе архивных источников подробно исследовано участие выходцев из России, преимущественно белоэмигрантов, в конфликтах межвоенного периода 1918–1939 гг. Это служба в Персидской казачьей дивизии; в польской армии; в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев и затем в Югославии; в силовых структурах Чехословакии; в армии Кемаля Ататюрка; в греческих силовых структурах; в Болгарии (подавление коммунистических выступлений); в ВВС Саудовской Аравии; в вооруженных силах Эфиопии; в Испании и Латинской Америке. Автор делает особый акцент на заметном влиянии службы русских эмигрантов на дальнейший ход истории принимавших их стран.

УДК 355/11
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-9908266-1-8

© Балмасов С. С., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017
© ООО «Бестселлер», 2017

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день издано огромное количество трудов по теме Гражданской войны в России 1917–1922 годов и эмиграции, однако период зарубежной военной активности белоэмигрантов освещен весьма слабо.

Долгое время благодаря обилию советских исторических работ считалось, что белогвардейцы за рубежом быстро «разложились и расплылись, оказавшись неспособными изменить ситуацию». Ранее эта версия широко раздувалась советскими историками Д.Л. Голинковым, В.В. Коминым, Л.К. Шкаренковым и др. Характерными были и названия их работ, вроде «Крах/агония белоэмиграции» и т.п. Вместе с этим они впервые упомянули о том, что многие русские офицеры и солдаты в изгнании активно участвовали в вооруженных конфликтах межвоенного периода 1919–1939 гг.

После 1991 г. наблюдается обратный «перекос». На сегодняшний день немало написано об участии белоэмигрантов в событиях Второй мировой войны на стороне Германии — в «Русском корпусе», во власовских и других антисоветских формированиях. Среди авторов — видные историки К.М. Александров, С.В. Дробязко, А.В. Окороков, Ю.С. Цурганов и др., открывших большой пласт новых документов по этой теме и ознакомивших с ней широкий круг читателей.

Однако межвоенный период истории белоэмиграции изучен пока довольно слабо. До сих пор большее внимание уделялось научным открытиям представителей эмиграции, их участию в культурной жизни тех стран, в которых они находились и которые стали для них новой родиной.

История же русского военного зарубежья изучена гораздо слабее. И хотя в последние годы стали появляться работы, посвящен-

ные активному участию белоэмигрантов в войнах и конфликтах за рубежом, они пока не могут восполнить читательского интереса к этой теме, и история военной эмиграции имеет еще немало «белых пятен».

Впрочем, уже имеющиеся (пусть и немногочисленные) работы позволяют сделать вывод, что в целом ряде зарубежных конфликтов, таких как Гражданская война в Китае 1920–1930-х гг., боливийско-парагвайская (Чакская) война 1932–1935 гг. и др., именно участие наших соотечественников оказало заметное, если даже не решающее влияние на их исход.

Подобная активность белоэмигрантов объясняется, в частности, наличием среди них множества профессиональных военных, которым зачастую было трудно адаптироваться к мирной жизни «на гражданке», и они пытались продолжить военную карьеру в армиях других государств.

И то, как сложилась их дальнейшая судьба, является важным показателем ценности как русской военной школы, так и качеств русских военных на общем мировом фоне.

Особого внимания заслуживает труд А.В. Огорокова «Русские добровольцы в неизвестных войнах XIX—XX века». Несомненным его достоинством является то, что автор впервые попытался обобщить данные об участии наших соотечественников в вооруженных конфликтах за рубежом на протяжении двух последних столетий.

Однако он выбрал для анализа, по мнению автора данной книги, события, произошедшие на слишком большом временном промежутке, из-за чего многие интересные моменты истории русского военного зарубежья «остались за кадром». С другой стороны, автору этой работы остались неизвестными многие документы, и в результате данная тема оказалась недостаточно раскрытой. На это повлияло и то, что он специально не выделял участие белоэмиграции в конфликтах межвоенного периода как явление и подробно остановился на участии русских в Англо-бурской войне 1899–1902 гг., в войнах за освобождение славян от турецкого ига в XIX веке или Венгерской революции 1918–1919 гг. — событиях, к которым белоэмигранты практически не имели отношения.

В то же время многие аспекты их участия в зарубежных конфликтах, таких как коммунистическое восстание в Болгарии 1923 г., события в Персии 1918–1920 гг., войны за создание и объединение Саудовской Аравии в 1920–1930-е гг., Колумбийско-Перуанская и Итало-Эфиопские войны 1932–1934 гг. и 1935–1936 гг., и др. вообще остались без внимания автора.

Вряд ли преувеличением будет сказать, что до последнего момента они являлись «закрытыми страницами истории». Другие же события, в которых тогда отметились белоэмигранты, были освещены достаточно поверхностно. В итоге автор фактически не выделил их особую роль в происходивших конфликтах и не дал общую оценку их влияния на ситуацию в той или иной стране и в мире.

Кроме этой работы, было несколько «региональных» трудов, посвященных отдельным странам рассеяния белоэмиграции. Особого внимания в этой связи заслуживают монографии и статьи видного историка Латинской Америки Б.Ф. Мартынова, главным образом, касающихся Парагвая и участия в Чакской войне генерала И.Т. Беляева и его русских сподвижников.

Кроме того, автор данной книги издал труды по истории русских во французской, а также китайской и японской армиях — «Иностранный легион». М., 2004 и «Белоэмигранты на военной службе в Китае». М., 2007.

Однако они в основном затрагивают лишь «узкорегиональные» особенности и не раскрывают в целом той огромной роли, которую суждено было сыграть нашим соотечественникам в межвоенных событиях 1920–1939 гг. И в этой книге автор попытается более полно воссоздать эту картину, отнюдь не претендуя на абсолютную истину и рассчитывая, что данное издание не будет «завершающим» по теме, а лишь станет основой для новых и более детальных исследований по теме.

Изложение материала выстроено по географическому принципу. Следует оговориться, что в главу I «Ближний Восток и Африка» сознательно был включен параграф по Греции, поскольку: а) пребывание русских в греческой армии главным образом было обусловлено греко-турецкой войной и параграфом по Турции; б) и связано с ведением ими боевых действия против армии Кема-

ля в основном в Малой Азии, входящей в регион «Большой Ближний Восток».

Кроме того, дискуссионным является и название главы III «Восточноевропейские и центральноевропейские страны». В таком виде автор дает название главы по причине непрекращающихся обсуждений, какие именно государства следует относить к Восточной Европе, а какие — к Центральной.

В данном издании приведены некоторые биографии лиц, данных о которых сравнительно немного в открытых источниках или которые заслуживают с точки зрения автора особого внимания.

ГЛАВА I

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА

Необходимое предуведомление

Изначально позиция врангелевского командования по вопросу поступления белоэмигрантов в иностранные армии и участия их в вооруженных конфликтах несколько отличалась от позиции, занятой представителями руководства белоэмигрантских политических структур.

Первые выступали резко против этого, опасаясь их распыления и исчезновения в их лице той силы, с помощью которой они рассчитывали скрестить с коммунистами шашки. Реакция последних определялась сугубо политическими пристрастиями.

В частности, речь идет о монархистах. Об этом пишет в своем дневнике бывший российский сенатор Н.Н. Чебышев 10 февраля 1923 г., давая подробности о состоявшемся монархическом совещании относительно позиции зарубежных военных конфликтов: «Вчера на Лютцовштрассе состоялось совещание для дачи директив генералу С-скому, прибывшему из Данцига: как поступать офицерам и вообще русским в случае вооруженных конфликтов.

Присутствовали: Марков, Кеппен, Катенин, Тальберг, Ольденбург, Толмачев, Дерюгин, Римский-Корсаков (А.С.).

Я указал, что в основу таких директив надо положить следующее: ни в одной комбинации на пользу большевиков участвовать нельзя, но в комбинациях против большевиков участвовать должно, даже в Польше. Офицеры должны руководствоваться разными волнениями.

Ефимовский рекомендовал абсолютный нейтралитет всюду. Катенин, Толмачев и Дерюгин (Г.М.) стояли за участие в действиях против большевиков, но никак не с Польшей. Все, кроме меня, присоединились к этому взгляду...

Между прочим, было вынесено решение с запрещением монархистам участвовать в каких-либо выступлениях не под монархическим флагом. Я возражал: вся белая борьба шла без такого флага»¹.

Примечательно, что на следующий день после монархического совещания врангелевское командование было вынуждено особо указать на недопустимость участия в «чужих» конфликтах, опасаясь маргинализации армии, ее разложения из-за «денежных мотивов» и потери ее представителями «духовного стержня», а также возможности того, что они, сражаясь за разные интересы, будут стрелять друг в друга.

Судя по всему, подобная «параллельная» активность по данному вопросу представителей военных и гражданских политических структур белоэмиграции стали реакцией на попытки ряда зарубежных государств использовать их силы как в своих спорах между собой, а также для подавления антиколониального движения, так и в борьбе против Советской России.

Так, секретная записка начальника штаба Врангеля генерал-лейтенанта Кусонского отражает озабоченность белогвардейского командования по отношению к наемничеству, становившемуся все более популярным среди офицеров, оказавшихся по тем или иным причинам неспособными устроиться в мирной жизни:

«10 февраля 1923 г.

№ 02624

Сремски Карловцы

«...Генерал Миллер доложил, что от отдельных офицеров последнее время поступают запросы, как им поступать в случае возникновения войны большевиков с тем или иным государством в случае приглашения их на службу в одну из армий этих государств и так далее. Также поступают запросы и о том, как поступать отдельным офицерам и целым организациям в случае вооруженных столкновений европейских государств между собой на Западе и Ближнем Востоке.

¹ ГАРФ. Ф.5955. Оп.1. Д.4. Лл.125–128.

Главнокомандующий генерал Врангель и присутствовавшие на совещании генерал Кутепов, генералы от кавалерии Экк, Шатилов, генерал-лейтенанты Миллер, Абрамов, Барбович, Витковский, Кусонский и генерал-майор Зборовский категорически высказались за недопустимость вмешательства отдельных офицеров и тем более офицерских организаций в случае вооруженного столкновения тех или иных государств с большевиками или между собой.

«Мы рассчитываем, что благоразумные офицеры прислушаются к голосу вождей армий и он будет услышан всеми истинными сынами Родины, а кондотьеров, которым хочется только драться, безразлично, за чьи интересы и почему, никто и никогда от этого не удержит», — сказал генерал Врангель.

В заключение Главнокомандующий просил всех начальников широко оповестить своих младших соратников о высказанных на собрании мнениях. Это было сделано для того, чтобы каждый в сознании нашей духовной мощи и независимости терпеливо продолжал нести свой крест, и в полном единении и сплоченности с начальниками ждал той минуты, когда он будет призван к тяжелой и ответственной работе по возрождению нашей дорогой Родины и восстановлению ее мощи. Он просил верить, что своим старанием Главнокомандующий сделает все, что в его силах, чтобы с честью донести до родной земли поднятое среди русской смуты генералами Алексеевым и Корниловым трехцветное знамя»¹.

Между тем, по свидетельству составителей документального сборника «Русской военной эмиграции» (М. 2001), эти настроения через несколько лет могли заметно трансформироваться. По их данным, «...В поисках новых источников финансирования генерал Врангель был готов не только на заключение политических союзов, но и на любые авантюры. Не случайно во французской печати было опубликовано сообщение о предложении Врангеля осуществить силами Русской армии поход на Марокко»².

¹ ГАРФ. Ф.6711. Оп.3. Д.50. Лл.59, 60.

² Русская военная эмиграция. Т.2. М., 2001. С.5.

НА ЗАЩИТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ИРАНА

История русской военной организации

Наши соотечественники отметились на персидской военной службе уже в первой половине XIX века. Среди них было немало беглых и дезертиров из русской армии. Из этих людей создавались целые отряды, достигавшие по численности нескольких сотен человек.

Некоторые из них фактически были элитными подразделениями — вроде гвардии при дворе шаха, опасавшегося мятежей своих соотечественников. Командовал ими «диссидент» Макинцев. Состояли они главным образом из людей, имевших на родине проблемы с законом. Однако несмотря на самые хорошие условия, созданные для них персидским монархом, впоследствии большая часть русских наемников, соскучившись по родине, вернулась с повинной домой¹.

На этом история русских в иранской армии не закончилась. Особая тема — Персидская казачья бригада, которую на завершающем этапе ее существования стали разворачивать в дивизию.

Зная боеспособность казачьих частей, их неоднократно пытались создать в разных странах, в том числе в Великобритании, Германии и Франции. Однако все эти попытки были обречены на неудачу. Ведь для создания настоящего, а не опереточного казачества мало было шить казачью форму и папахи, копируя внешний облик «степных рыцарей». Англичане оставались англичанами, французы — французами, а немцы — немцами. **Казакom нужно было родиться.**

В отличие от «просвещенных» европейцев, быстрее других это понял персидский шах Наср эд Дин. Побывав при дворе императора Александра II и увидев блестящий казачий конвой, он захотел создать у себя такой же.

Произошло это при следующих обстоятельствах: Наср эд-Дин в 1878 г. отправился в свое второе путешествие в Европу, начавшееся

¹ Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. М. 2000.

с российского Кавказа. Во время пути в столицу Российской империи его для охраны и в знак монарших почестей сопровождал казачий конвой.

Шах за это время был сильно впечатлен казаками, их обмундированием, вооружением, оснащением и подготовкой. Но мудрый шах не стал повторять ошибки европейцев и предложил «пересадить» казаков из России на «иранскую почву». Он еще в дороге обратился к наместнику императора на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу отправить российских казачьих офицеров в Персию для подготовки таких же бойцов.

Положительный ответ на эту просьбу был получен уже от царя в Санкт-Петербурге, хотя у него на тот момент еще не было четкой политики по продвижению российского влияния в Персии.

Начали с самого простого: с организации казачьего конвоя для иранского правителя. По просьбе шаха для этих целей в Тегеран в апреле 1879 г. направили целый ряд казачьих офицеров «по назначению русского Генерального штаба, но с предварительным согласием Шаха»¹.

В том же году конвой был развернут в кавалерийский казачий полк. В дальнейшем, видя успехи русских офицеров, в 1882 г. шах приказал развернуть его в двухполковую бригаду, находившуюся в подчинении персидского монарха. Впоследствии на ее базе начали формировать дивизию. Так появились персидские казаки.

Следует сказать, что первым начальником Персидского казачьего конвоя стал подполковник Генерального Штаба Алексей Домонтович², направленный в Персию буквально «из боя», после победонос-

¹ Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии // Военно-исторический вестник. № 11.

² **Домонтович Алексей Иванович** (10.03.1846–1908) — представитель старинного кубанского (запорожского) казацкого рода. Отметился во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Участник знаменитых сражений за Баязет и вырубку его гарнизона. За боевые отличия был награжден рядом российских военных наград: за победу на Драм-Дагских высотах — орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом; за Даярское сражение произведен в подполковники; награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами за участие в битве при Деве-Бойну и Святого Георгия 4-й степени. Последнюю награду он заслужил за сражение у селений Хош-Хабар и Чарухчи, находясь в должности начальника штаба войск правого фланга русского Эриванского отряда. Тогда своими советами командиру последнего он предотвратил

ного завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг., у которого в подчинении первоначально находились 400 всадников, в основном бывших мухаджиров, ранее сопротивлявшихся российской власти на Северном Кавказе и в Закавказье, собранных ранее в одно кавалерийское подразделение. В основном они были представлены черкесами и закавказскими татарами (азербайджанцами)¹.

Столь странное, на первый взгляд, решение было обусловлено следующими мотивами: на тот момент воинские части из местных жителей после внутреннего упадка страны середины XIX века фактически находились в зачаточном состоянии, и персидские власти направили для соответствующей подготовки те немногочисленные нерегулярные кавалерийские подразделения из иностранцев, которые у них были.

Кроме того, они полагали, что лучше постигать новации военного дела смогут именно мухаджиры, многие из которых, в отличие от коренных жителей Персии, владели русским языком и обладали определенными знаниями относительно российской воинской организации вообще и казачества в частности.

Для успешного решения задумки о создании персидских казаков ему потребовались для запуска этого проекта «с нуля» немалые на тот момент для скудной казны Тегерана средства, которые были с немалым трудом получены им в результате проведенных переговоров с шахом.

После этого Домантович и несколько других российских офицеров и унтер-офицеров начали в апреле 1879 г. организовывать и обучать бывших мухаджиров. Шах и представители его двора были так довольны первыми результатами, что почти сразу решили раз-

попытку турок охватить его с флангов. В результате наступавшие сами попали под русский фланговый огонь, были контратакованы и отсутствовали в беспорядке с огромными потерями.

По окончании войны назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе Кавказского военного округа и в ноябре 1878 г. командирован в Персию, где по просьбе местных властей произвел инспекцию ее вооруженных сил и предложил их модернизировать, а 7 февраля 1879 г. подписал с Тегераном контракт об условиях работы здесь русской военной миссии и организации Персидской казачьей бригады, причем сам он стал ее начальником.

В 1885 г., после своего откомандирования из Персии, занимал ряд командных постов на российском Северном Кавказе и закончил службу генералом от кавалерии.

¹ Ahmed S. Hashim, *The Iranian Armed Forces in Politics, Revolution and War: Part One* // Middle East Policy Council Journal Essay Summer 2012. Volume XIX. Number 2.

вернуть конвой в полк, а уже летом того же года — в бригаду из 600 человек.

Однако тогдашний император Александр III усмотрел в этом опасность для российского влияния (судя по всему, он не верил, что вчерашние борцы против его власти на Кавказе, лишившиеся своего дома, будут ему лояльны, а также был недоволен донесениями о вероятных «несанкционированных» контактах первого командира персидских казаков с англичанами) и, несмотря на протесты шаха, заменил Домонтовича полковником Петром Чарковским¹ и в 1882 г. отозвал его на родину.

Следует особо заметить, что тогда русские офицеры были далеко не единственными там иностранцами, приглашенными для модернизации вооруженных сил Персии. В частности, едва ли не с самого начала их работы они столкнулись не только с главными своими здесь конкурентами — англичанами (они на юге страны стали создавать находившуюся под их фактическим контролем полицию и стрелковые части, практически независимые от официального Тегерана), но и с представителями других европейских стран, которые автоматически стали проводниками соответствующего политического влияния.

Так, например, если шах рассматривал русских как главных консультантов при строительстве собственной кавалерии, то в деле воссоздания на современной основе пехоты и артиллерии он полагался на австрийских офицеров (правда, их работа в Персии оказалась недолгой и неудачной), а в формировании полиции, жандармерии и зачатков железнодорожных войск — на шведов.

При новом командире бригада была усилена артиллерийской батареей из четырех орудий.

На место Чарковского, в свою очередь, в 1885 г. был назначен полковник Александр Кузьмин-Караваев², при котором бригада стала испытывать финансовые трудности из-за сокращения персидского бюджета, и поэтому ее урезали до 450 человек. Судя по всему, подобная ситуация стала наблюдаться в результате происков укрепляющихся на юге Персии британцев, стремившихся вытеснить Россию из этой

¹ Командовал Персидской казачьей бригадой по 1885 год включительно.

² Возглавлял данное подразделение по 1891 год включительно.

страны путем первоначальной ликвидации в ней персидских казаков как инструмента ее влияния.

Далее на смену ему в 1891 г. прислали полковника Александра Шнейера¹, при котором данное подразделение было снова урезано — на этот раз до 300 человек (из которых лишь 170 были «строевыми» кавалеристами), далее — до 200 человек и тем не менее оказалось под угрозой роспуска из-за отсутствия денег даже на оплату казачьим офицерам. В 1893 г., когда бригада сократилась до 150 человек, он был вынужден под давлением «сверху» (из околошахских кругов) и «снизу» (со стороны собственных подчиненных) фактически сдать командование младшему офицеру.

На тот момент ликвидация Персидской казачьей бригады как инструмента российского влияния в стране казалась делом решенным, и все более утверждавшиеся в Тегеране англичане предлагали «компромисс» — передать ее остатки под командование германских офицеров.

Однако в мае 1894 г. его заменили полковником В.А. Косооговским (Косаговым)², которому и удалось спасти бригаду от, казалось бы, неминуемого расформирования, ради чего он даже заложил собственное имущество³.

Что же касается прочего положения дел, то не менее сложным вопросом стало решение проблемы с постоянно фрондировавшими мухаджирями, на тот момент занимавшими важные командные должности в бригаде как «персидские казаки». Как оказалось, они не желали совершенствовать воинскую подготовку и очень слабо подчинялись дисциплине. Соответственно, планы персидских властей относительно ее дальнейшего расширения за счет бывших мухаджиров, не желавших подчиняться «российским порядкам», провалились.

На попытку наведения порядка в 1895 г. под влиянием сына шаха, занимавшего тогда пост военного министра, они подняли восстание,

¹ Командовал персидскими казаками по 1894 год включительно.

² **Косаговыи Владимир Андреевич** (14.01.1857–12.09.1918) — известный российский востоковед, генерал-лейтенант Генерального штаба. Расстрелян большевиками в своем новгородском имении Погостиха.

³ Cossack Brigade // Encyclopedia Iranica. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.

к которому примкнула большая часть тогдашнего состава бригады, и заявили о создании «своего» персидского казачества во главе с сыном шаха Камраном Мирзой.

Однако оно было подавлено, и под давлением российских властей персидский монарх в мае того же года согласился заменить мухаджирский анархический и в подавляющем большинстве своем антироссийски настроенный элемент не только добровольцами, этническими персами и татарами (азербайджанцами), но и представителями прочих этнических и религиозных меньшинств и также рассматривал возможность превращения этого подразделения в кадровое (регулярное).

Например, с середины 1890-х гг. до 1903 года самым высокопоставленным персидским офицером бригады был ее начальник штаба, Мирза Мадрус (Мартирус) Хан, армянин из Новой Джуги (населенный пункт из окрестностей города Исфахана), получивший образование в Лазаревском институте, созданный в Москве для армян армянским же купечеством¹].

Как оказалось, данные реформы были проведены очень вовремя: 1 мая 1896 г. шах Наср эд Дин был убит, различные группировки пытались захватить власть в стране, и в результате начался хаос: на улицах бесчинствовали толпы. Единственным инструментом наведения порядка оставалась Персидская казачья бригада, командованию которой в лице Коссаговского премьер-министр Персии эс-Солтан Амин и дал на это карт-бланш, указав буквально следующее: «действовать в соответствии с собственным пониманием и мудростью».

В результате персидские казаки под его руководством быстро навести порядок в столице, заняв ее и временно установив там свою власть (фактически принадлежавшую тогда российским офицерам), после чего небезуспешно участвовали в интригах различных группировок в связи с последующим разделением власти в стране.

Так, Найеб эс-Салтенах, командующий войсками в Тегеране, попытался перехватить власть у законного наследника престола, Мозафара ад-Дин Шаха, находившегося тогда в Тебризе.

¹ Там же.

На тот момент интересы русских и англичан сошлись, и во многом благодаря этому Коссаговский с помощью своей бригады предотвратил эту попытку и заявил, что только Мозаффар ад-Дин Шах будет признан законным наследником.

В результате 7 июня 1896 г. последний в сопровождении казаков вступил в Тегеран. С этого времени Персидская казачья бригада получила неофициальный статус «kingmakers» («производители правителей») и в будущем служила важным инструментом для русских и шаха в сохранении контроля над Персией. Благодаря этому русское влияние в Персии чрезвычайно расширилось, и с этого времени Персидская казачья бригада до самого своего расформирования стала главным инструментом управления этой страной.

Примечательно, что тогда быстро стал расти и ее численный состав: например, на 1900 г. он насчитывал 1500 человек, а еще через 10 лет — до 8000 человек (по другим данным — до 2000 человек), а число русских инструкторов увеличилось с девяти человек при Домонтовиче до более чем 120 на момент расформирования (дивизии) в 1920 г. (по другим данным, уже в 1900 г. русских при бригаде было 200 человек, что, по мнению тогдашних британских наблюдателей, говорило о степени заботы российского царского правительства о данном подразделении, поскольку доля офицеров в нем была гораздо выше, чем это было принято в общемировой практике¹.

Формально тогда Коссаговский был подчинен иранскому шаху и являлся его советником, имея местный чин, соответствующий генерал-фельдмаршалу, но фактически комбриг получал все указания из российского Генерального штаба (как доносили британские агенты — через дипмиссию в Тегеране), «который, в свою очередь, действовал в согласии с Министерством иностранных дел (российским) и заместителем Кавказа»².

Эта тенденция еще больше утвердилась после «конституционной революции» 1906 года. По сути, центральные российские власти ре-

¹ Там же.

² Калугин С. Указ. соч.

шили, «что русские офицеры могут не подчиняться любому приказу персидских властей, если он идет вразрез интересам России»¹.

Между тем взаимодействие между гражданскими и военными властями оставляло желать лучшего, что наносило организации Персидской казачьей бригады безусловный вред. В частности, британские источники указывали на «антагонизм» между ними по данному вопросу: «Хотя отдельные командиры и эмиссары иногда работали вместе, согласно интересам русской политики в Персии, в ряде случаев российский представитель (дипломатический. — *Ред.*) намеренно подрывал усилия командира бригады по завоеванию поддержки персидского казачества или сознательно выступал на стороне его начальства в России в случае возникновения здесь каких-либо разногласий»².

По свидетельству офицера Серафима Калугина³, участвовавшего в организации этого подразделения, «начальник бригады, начальники отрядов и инструкторы были русские офицеры. Их помощниками были сверхсрочные казаки Кубанского и Терского войска»⁴.

Кроме того, уже на 1903 г. ежемесячные затраты только на выплату жалования личному составу бригады превысили 40 тысяч золотых рублей⁵.

Расходы по бригаде покрывались персидским правительством из таможенных поступлений. Донесения и денежный отчет направлялись начальником бригады в Генеральный штаб.

Немаловажны были и внешнеполитические причины создания казачьей бригады в Персии, означавшего заметный рост здесь влияния России. Тогда, в конце XIX века, Иран попал в полосу затяжного

¹ Cossack Brigade // Encyclopedia Iranica. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.

² Там же.

³ **Калугин Серафим Михайлович** (? — 13.05.1962, Париж). На момент завершения Первой мировой войны — капитан 16-го гренадерского полка, инструктор Персидской казачьей бригады. В 1918 г. возглавлял действовавший при ней Кадетский корпус. С 1930 г. — в эмиграции во Франции, казначей Союза офицеров Кавказской армии. С 1934 г. — член общества друзей журнала «Часовой».

⁴ Калугин Б. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии // Военно-исторический вестник. № 11.

⁵ Cossack Brigade // Encyclopedia Iranica. — URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.

кризиса. Этим воспользовалась Великобритания, пытавшаяся сделать его своей колонией. В этих условиях персидский шах предпочел усилить в стране российское влияние, чем всецело попасть под власть коварных англичан.

По свидетельству русских инструкторов Персидской казачьей бригады, «никаких вооруженных сил защищать порядок в стране Персия создать не могла. Персидская казачья бригада являлась единственной воинской силой, которая поддерживала и охраняла шахский трон и порядок, — это была личная гвардия Шаха»¹.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА

По свидетельству русских инструкторов, изначально бригада располагалась в Тегеране и Тавризе. Кроме того, отдельные подразделения бригады были расположены в некоторых городах Северной Персии. Также генерал-губернатор и губернатор имели при себе казачий конвой.

Тогда, по свидетельству русских инструкторов, «вся персидская армия называлась «Персидская казачья Его Величества Шаха дивизия». Все же командиры полков, батальонов, дивизионов, батарей и ниже были персидские офицеры, но при каждом роде оружия, в каждом отряде непременно должен был быть русский офицер-инструктор. Без его подписи ни одно распоряжение командира части — перса, включая и распоряжения хозяйственного порядка, не были действительными...²»

По свидетельству инструкторов бригады, «начальниками отрядов являлись русские офицеры-инструкторы, а ротами, батальонами и полками командовали персидские офицеры, находясь в прямом подчинении у начальника отряда»³.

При этом, по свидетельству самих русских инструкторов, «Уставы, дисциплинарный и строевой были русские»⁴.

По их словам, «...все офицеры-инструкторы считались как откомандированные от своих полков и носили погоны своих частей с указанием чина, полагаемого каждому за выслугу лет и за отличия, полу-

¹ Калугин С. Указ. соч.

² Захарин И. На службе у персидского шаха // Часовой. Январь 1981. №9.

³ Калугин С. Указ. соч.

⁴ Он же. Указ. соч.

ченные на войне. Для военных по субординации Персидской армии они числились почти все генералами, ибо командиры полков, офицеры-персы, тоже были в генеральских чинах. Начальник отряда — русский офицер — пользовался «высшей властью» над гражданскими чинами, не исключая и губернаторов провинций»¹.

По оценке русских командиров, «вообще организация этой «дивизии» была необычной и не совсем приятной для национальных чувств персов, которые по привычке относились к сему «пассивно», оказывая полное послушание заведенному порядку»².

Соответственно, «персидское правительство было недовольно подобным положением вещей и добивалось подчинения бригады персидскому военному министру. На этом подчинении персидское правительство особенно настаивало»³ (в 1920 г. этим обстоятельством воспользовались конкуренты русских за влияние в Персии, англичане, для подрыва их влияния. — *Ред.*).

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Комплектовались казацкие части персидскими добровольцами. Тогда «месячное жалованье рядового кавалериста было 12 туманов (приблизительно 24 рубля — то есть ниже по размеру зарплаты многих российских рабочих. — *Ред.*)». У пехотинцев — 7 туманов»⁴.

По свидетельству русских инструкторов, «поступающие в конницу должны были иметь своего коня. Оружие, обмундирование, седла — все казенное. Выдающихся казаков по службе повышали в званиях, которые были следующие: сержюге — ефрейтор; векиль-чап — младший унтер-офицер; векиль-раст — старший унтер-офицер; векиль-баши — вахмистр, фельдфебель; муин-наиб — подпрапорщик.

Достигшие звания муин-наиба, выдающиеся, производились в офицерские чины. Наиб-сейюм — прапорщик, наиб-дейюм — подпоручик, наиб-аваль — поручик; султан-капитан — ротмистр; явер — майор; наиб-сергенг — подполковник; сергенг — полковник; сартип 1-го ранга — генерал с одной звездой; сартип 2-го

¹ Фадеев П. Персидская революция // Родимый Край. № 89.

² Он же. Указ. соч.

³ Калутин С. Указ. соч.

⁴ Захарин И. Указ. соч.

ранга — генерал-майор; мир-пендж — генерал-лейтенант; амир-туман — полный генерал; сардар-маршал — маршал; амир-найон — главнокомандующий»¹.

По свидетельству русских инструкторов, «в Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии не было производства за выслугу лет в чине, а производили за доблестную, выдающуюся службу, так что бывали пожилые офицеры в небольших чинах; выдающиеся же доблестные офицеры производились быстро»².

Персов обучали русские инструкторы, а командовали ими старшие чины (офицеры) и младшие (подпрапорщики и урядники) российских казачьих войск. Их помощниками были «сверхсрочные» казаки Кубанского и Терского казачьих войск.

Соответственно, порядки, а также уклад жизни персидского казачества были заимствованы у казачьих частей юга России. Впрочем, были у них и свои местные особенности. Так, четко определенного срока службы не было, и каждый казак служил столько, сколько хотел. Когда ему надоедало «тянуть лямку», он выходил в отставку.

Конкурс на командные должности здесь был очень высокий и автоматически на них зачисляли лишь жандармских офицеров³.

Еще одна причина, по которой шах привечал русских офицеров на командных постах, состояла в том, что на персов во многих вопросах положиться было нельзя. Так, они не могли занимать должности, связанные с деньгами и ведением хозяйства. Этот урок русское командование дивизии усвоило уже давно: стоило только иранцам занять посты, где было что воровать, как они тут же все разваливали и расхищали.

Несмотря на отдаленность и «захоленность» по тем временам службы в Персидской казачьей бригаде русские офицеры туда шли охотно. И дело не только в том, что она оплачивалась выше, чем в России, но и из-за перспектив роста.

Так, инструктор С. Булацель⁴ описывает мотивы своего согласия на подобную службу: «В начале 1916 года мне была предложена»

¹ Булацель С. Воспоминания о службе в персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // Военно-исторический вестник. №11.

² Он же. Указ. соч.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.79.

⁴ Булацель Сергей Сергеевич «Третий» (? — 09.08.1971, Танжер, Марокко) — видный

на командировка в Персидскую казачью Его Величества Шаха дивизию. Я хотел воспользоваться этим предложением, так как в нашем «штабс-ротмистерском» полку, в смысле продвижения положения, было совершенно безнадежно. Когда наш Уланский полк выступил на войну 11-го года, в полку было 22 штабс-ротмистра, и я, прослуживший в полку уже 11 лет, был 14-м по старшинству.

Штабс-ротмистры ценза войны не имели и только по выслуге своих законных четырех лет надевали ротмистерские погоны. Командиры эскадронов по цензу производились в подполковники, но большей частью они продолжали командовать своими эскадронами.

В то же время наши сверстники и моложе нас по службе в полках дивизии командовали эскадронами, и многие щеголяли в штаб-офицерских погонах»¹.

Дополнительным стимулом к переходу туда стала Февральская революция и появление печально знаменитого приказа № 1, «превратившего славную Русскую армию в сборище разнuzданной банды, — нечего было и думать о продолжении войны. Императорская Великая Россия катилась в пропасть...»²

Однако в Персидской казачьей бригаде он не действовал, и некоторые русские офицеры, включая С. Булацель, поспешили уехать туда³.

Важность для российского командования Персидской казачьей бригады подчеркивается тем, что в ее расположение, даже несмотря на сложную обстановку в период Первой мировой войны, продолжали откомандировывать боевых опытных офицеров. Например, в ноябре 1916 г. туда направили инструктором подхорунжего 1-го Кубанского казачьего полка Захарина⁴, который на тот момент уже находился в

представитель русских инструкторов Персидской казачьей дивизии. В 1903 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище. На 1917 г. — ротмистр 4-го уланского полка, с сентября 1917 г. в Персидской казачьей дивизии, в составе которой временно возглавлял ее Исфаханский, Хамаданский, Урмийский Тегеранский, Гилянский отряды. В эмиграции жил в Марокко.

¹ Булацель С. Воспоминания о службе в персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // Военно-исторический вестник. №11.

² Он же. Указ. соч.

³ Булацель С. Указ. соч.

⁴ **Захарин Исидор Евстафьевич** (1889, станица Николаевская Кубанского казачьего войска — 27.12.1982, Париж, Франция, похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа) — кубанский казак. В период Первой мировой войны стал кавалером Георгиевского креста четырех степеней, произведен в подхорунжие за боевую доблесть. В эмиграции во Франции.

Персии, где сражался против турок. Всего туда тогда направили только из этого подразделения 12 человек.

Примечательно, что тогда у офицеров (особенно младших по чину) такие назначения вызывали зависть¹.

Следует заметить, что русские офицеры имели огромное влияние не только на своих подчиненных, но и на население страны, которое видело в них своих защитников от местных бандитов².

По свидетельству как иранских, так и русских источников, престиж казаков внутри страны стоял очень высоко, а их имя пользовалось уважением настолько, что богатые помещики и сыновья ханов, даже бывшие сардазские офицеры (персидской армии) поступали в бригаду рядовыми³, считая за честь служить в ней. За отличную боевую службу впоследствии многие из них достигали высоких, в том числе и генеральских чинов.

Примечательно, что инструкторский состав казаков постоянно обновлялся, даже в период Гражданской войны. Так, в июне 1920 г. в дивизию были приняты по меньшей мере трое уральских офицеров (Климов⁴, Мезинцев⁵ и Фадеев⁶) капитанами и еще двое унтер-офице-

¹ Захарин И. И. На службе у персидского шаха // Часовой. Январь 1981. №9.

² Он же. Указ. соч.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.78об.

⁴ **Климов Иван Иванович** (? — 04.09.1930, Ницца, Франция), казак станицы Глининская Уральского казачьего войска. помощник войскового атамана Уральского казачьего войска, произведен в 1915 г. в офицеры за боевые отличия во время Первой мировой войны, которую он закончил есаулом.

На начало 1919 г. — член Уральского войскового правительства. В декабре 1919 г. начальник Гурьевского конного дивизиона. В феврале — марте 1920 г. — командир 1-го сводного полка Уральского казачьего войска при отходе остатков Уральской отдельной армии на Форт Александровский.

Проделал поход в Персию (05.04–04.06.1920) командиром сводного взвода отряда бывшего войскового атамана В.С. Толстова, за что произведен в войсковые старшины.

С июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии, далее — начальник персидской кавалерии. В эмиграции в Чехословакии и Франции.

⁵ **Мезинцев** — уральский казак, произведен в есаулы в период Гражданской войны, войсковой старшина (произведен Толстовым уже в Персии). Помощник командира отряда из остатков Отдельной Уральской армии В.С. Толстова при отходе ее из Форта Александровского на персидскую территорию. Капитан Персидской казачьей дивизии.

⁶ **Фадеев Павел Андреевич** (1893, станица Илецкая Уральского казачьего войска — 08.01.1977, Париж). Из казаков. Сотник Уральского казачьего войска (УКВ). Командир 2-й Илецкой сотни Уральского сводного полка Уральской отдельной (казачьей) армии. За боевые

ров. По другим данным, всего тогда в нее приняли девять уральских казаков.

По словам П.А. Фадеева, «репутация наша, как командного состава «легендарного похода»¹, сделала свое дело: я немедленно был зачислен в Тегеранский конный полк, а Климов и Мезинцев — в Хорасанский отряд, готовый к отправке на фронт».

Их, как и других белогвардейцев, руководство Персидской казачьей дивизии набирало «для усиления кадров». Многие из них, не желая вести «скучную» жизнь беженцев в отведенных для этого англичанами лагерях, охотно шли на такую работу.

И это несмотря на то, что даже офицеров «принимали на условиях исключительных — на окладах младших инструкторов, то есть втрое меньших, чем у обычных офицеров-инструкторов, но с надеждой быть принятыми в настоящие кадры».

При этом «уральцам было дано исключительное право взять с собой по два казака из отряда, как было принято в казачьих частях, — денщика и вестового. Мой постоянный «спутник» Иван Павлович Фофонов был даже недовольно удивлен, когда я ему предложил выбор идти со мной на новые авантюры или остаться в отряде. «Будет, что будет! На все воля Божья, говорит, а я «не изменщик» и от вас не отстану...» «Холодный вахмистр» Иван Завалов, несмотря на свой «чин», настоял, чтобы я его взял вестовым.

отличия, в том числе за уничтожение штаба 25-й стрелковой дивизии В.И. Чапаева (тогда, будучи подесаулом, занимал пост заместителя 1-го партизанского полка), награжден высшими наградами УКВ, включая орден Святого Архистратига Михаила. С 24.11. 1919 г. командовал сводными остатками 1-го и 2-го партизанских полков после того, как они были фактически уничтожены эпидемией тифа.

После отхода в феврале-марте 1920 г. из Гурьева в Форт Александровский стал командиром 2-го сводного полка. В апреле того же года при попытке коммунистов занять его ушел с уральским атаманом В.С. Толстовым в Персию сухопутным путем, пробываясь через отряды враждебных киргиз и туркмен. При этом командовал сводным взводом казаков. За этот поход произведен в войсковые старшины.

С июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии. В эмиграции во Франции, к 1963 г. заместитель Уральского атамана. Оставил многочисленные воспоминания о борьбе уральских казаков против большевиков, многие из которых до сих пор не изданы.

¹ Имеется в виду поход остатков Уральской отдельной казачьей армии в апреле — июне 1919 г. во главе с атаманом В.С. Толстовым из форта Александровского в Иран в сложнейших условиях — климатических и боевых.

«Холодными» уральские казаки называли вахмистров и урядников, не окончивших учебных команд.

Оба Ивана были большими друзьями, несмотря на разницу их характеров: насколько Павлыч Фофонов был молчалив, настолько Панкратыч Завалов был говорлив. Имея таких испытанных компаньонов и в силу своего постоянного оптимизма молодости, я смотрел спокойно и даже весело на предстоящую службу Его Величеству Шаху Персии. О нашем выходе из уральского отряда войсковому атаману было доложено после приказа о нашем зачислении в «дивизию»¹.

Повседневная служба

Для облегчения работы инструкторов в Тегеране при Персидской казачьей бригаде был организован Кадетский корпус, из которого выпускали хорошо обученных русскому языку и воинскому искусству местных офицеров².

По словам российских командиров, «окончившие (его молодые люди) принимались на службу в чине наиба-сейюма. Среди персидских офицеров были окончившие в России кадетские корпуса и военные училища, и такие принимались на службу в чине султана»³.

Русские командиры при этом указывали, что «среди офицеров-персов к тому времени было немало таких, которые кончили свое образование в России, Франции или Германии».

При этом «для младшего командного состава были учебные команды»⁴.

Не случайно, что среди казаков даже в условиях происходящих боевых действий было немало желающих заняться русским (а среди малограмотных и персидским) языком. В результате русские учи-

¹ Фадеев П. Персидская революция // Родимый край. № 89.

² Калугин С. Указ. соч.

³ Булацель С. Указ. соч.

⁴ Фадеев П. Указ. соч.

теля, распускаявшие на лето своих учеников, продолжали работу со взрослыми¹.

Это отмечалось даже летом 1920 г., когда в стране продолжались бои против советских войск и сил местных феодалов: только с одного конного казачьего полка параллельно учить русский язык и различные науки вызвались 23 казака².

Поэтому в общей массе казаки-персы хорошо владели русским языком. И как знать, если бы не последующие события, быть может, сейчас в Иране на нем разговаривали бы также запросто, как и на фарси. Впрочем, как известно, говорить об утраченных перспективах можно до бесконечности и дело это неблагодарное.

Как бы там ни было, вновь прибывающих инструкторов полковник Филимонов из штаба бригады оставлял в Тегеране на три месяца для изучения фарси, родного языка абсолютного большинства персидских казаков. Обычно занятия вели офицеры-персы, говорящие по-русски³.

Занятия у казаков, в том числе и строевые, производились утром. После обеда, с 13 до 18 часов, ежедневно или через день, они проходили упражнения, позволявшие держать дивизию «в форме».

По свидетельству русских инструкторов, в конце 1916 г. они проводили «строевые и словесные занятия, а также гимнастику по методу, применявшемуся в Русской армии. Кавалерия обучалась по уставу русских казачьих войск: построение, стрельба, рубка лозы и чучел, уколы, взятие препятствий, джигитовка, атака лавой и т.д. Работали мы не покладая рук. Персы воспринимали неплохо нашу выучку. Отдыхали только вечерами, собираясь вместе и отводя душу в беседе с воспоминаниями о привольной жизни на Кубани»⁴.

Однако, чтобы поддерживать подготовку бригады на должном уровне, тогдашнему ее начальнику Старосельскому⁵ пришлось прило-

¹ ГАРФ, Ф.4723. Оп.1. Д.11. Лл.27–28.

² Там же. Л.36.

³ Захарин И. Указ. соч.

⁴ Он же. Указ. соч.

⁵ **Старосельский Всеволод Дмитриевич** (07.03.1875, Баку — 29.06.1953, Риверсайт, Калифорния, США) — на военной службе с 1893 г. (вольноопределяющийся), с 1895 г. офицер гвардейской кавалерии. На момент начала Первой мировой войны — полковник, начальник Кабардинского конного полка «Дикой» («Туземной») дивизии. В 1919–20 гг. — командир

жить немалые усилия, поскольку на деле ситуация с обучением казаков была далека от идеала.

Так, он отмечал, что «9 июля (1920 г.) была назначена учебная стрельба команде разведчиков, пулеметчиков и конному полку. Придя на стрельбу, я не нашел ни офицера-инструктора пехоты, ни конницы, они отсутствовали, не имея на это разрешения. Стреляли в полном беспорядке, особенно в конном полку, где людям не было даже показано, как это делать. Казаки ставили произвольные прицелы и не знали своих мишеней. Ставлю это на вид сотнику Гридасову и поручику Гараконидзе. Конному полку повторить это упражнение на 600 шагов»¹.

Воинская форма, экипировка

По данным русских инструкторов, они говорили про себя о том, что носили форму терских казаков, тогда как персы — кубанскую, которая последним, по свидетельству русских инструкторов, очень нравилась. А «Пехота в дивизии носила пластунскую форму». По свидетельству русских инструкторов, «для кавалеристов выдавались черкеска, бешмет, брюки, сапоги и белье».

При этом они указывают, что «в конницу персов принимали только со своими конями, но оружие и обмундирование выдавали за счет казны. Они должны были приобрести за свой счет коня, седло, шашку, кинжал и папаху. Пехотинцы получали шинель, куртку, брюки, рубашки, сапоги и белье...».

Погоны у офицеров, генералов и казаков — русского образца, но как у русских, так и у персидских чинов был накладной бронзовый знак: у казаков — Лев с Коронай, у обер-офицеров — Лев с Коронай в лавровом полувенке. У штаб-офицеров этот венок был в три четверти. У генералов — полный венок вокруг Льва с Коронай. У сардара — большой Лев с Коронай без венка»².

Персидской казачьей дивизии. С 1924 г. проживал в США, в Калифорнии, где купил ранчо и занимался фермерством (в основном разведением домашней птицы). Скончался от апоплексического удара. Похоронен на калифорнийском кладбище Hollywood Forever в округе Лос-Анджелес.

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.104 об.

² Булацель С. Указ. соч.

У персидских казаков существовала и летняя, и зимняя форма одежды. Ее последний вариант был утвержден особым приказом полковника Старосельского от 6 мая 1920 г. Он указал: «устанавливаю образцы формы летней одежды для достижения ее единообразия. Для инструкторов, персидских генералов, обер- и штаб-офицеров: а) вне строя — китель и френч защитного и белого цветов; б) в строю — китель, френч и рубаха — тех же цветов, что и у находящихся в строю казаков; в) в строю и на занятиях головным убором может быть исключительно папаха казачьего образца. В строю обязаны иметь снаряжение казацкого образца: пояс с кинжалом, кобуром и портупесей; г) шаровары синего или черного цветов с галунным лампасом; д) сапоги русского образца и чуваки черного цвета.

Для казаков. В строю и вне строя: рубахи защитного и белого цветов, одного цвета в каждом отряде. Шаровары — защитного или синего цвета и чараха защитного цвета с обмотками или наговицами.

Категорически воспрещено: 1) ношение широких поясных ремней русского и английского образцов как в строю, так и вне строя, а также всевозможных сапог со шнуровкой, в пуговицах и пр.; 2) во время занятий вне города и в лагере разрешается всем офицерам быть в шароварах защитного цвета и в ботинках черного цвета с обмотками при условии единообразия в одной и той же части; 3) при повседневной форме разрешается носить только медали за боевые отличия»¹.

Впрочем, далеко не вся экипировка персидских казаков отвечала реалиям службы. Так, русские инструкторы свидетельствуют, что обувь их подчиненных — туфли (чорохи) с парусиновым верхом и с подошвами из прессованного с клеем тряпья, которую они называли «немудреной», почти моментально выходила из строя при горных подъемах².

Как бы там ни было, комбриг полковник Старосельский установил в дивизии жесткую дисциплину, касавшуюся в том числе ношения

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.175.

² Фадеев П. Указ. соч.

формы с ее атрибутами и рядовыми персами, и русскими инструкторами. Например, в приказе по дивизии от 13 апреля 1920 г. за № 10 комбриг обратил внимание на офицеров, появляющихся в городе без пашек. В частности, он отметил: «Несмотря на мои категорические требования в правильном ношении формы, некоторые офицеры, как персидские, так, к глубокому моему сожалению, и русские, продолжают уклоняться от этого. Требую от начальников принять для устранения этого явления самые энергичные меры. Предписываю коменданта доносить мне обо всех чинах дивизии, замеченных им без оружия на улицах и в публичных местах, независимо от их служебного положения»¹.

Наградная система

В бригаде был и ряд присущих только персам особенностей, в том числе касавшихся наградной системы. В столкновениях с мятежниками, курдами, большевиками и просто бандитами казаки всякий раз показывали высокую боевую выучку и неоднократно били более многочисленного противника с гораздо меньшими потерями. Не случайно, что благодарственные телеграммы от шаха Старосельскому за боевую службу² и вообще поддержание боевой готовности бригады, а также награждение ее личного состава были обычным явлением.

При этом многие русские офицеры за проявленную в боях доблесть и рвение в подготовке казаков также награждались персидскими «позолоченными» и серебряными медалями, а также орденами Льва и Солнца разных степеней, которые носили так же, как российские знаки отличия³.

Так, 2 ноября 1920 г. шах на сорокалетие дивизии также пожаловал ряд наград. Например, наиболее отличившимся в осенних боях 1920 г. есаулу Кузнецову — орден и ленту Мирпенджа; штабс-капитанам Шафлик-Гротовскому, Зайцеву и поручикам Лилиенталю

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.177.

² Там же. Л.173.

³ Там же. Л.57.

и Пупойко — по ордену и ленте Сартипа 2-го ранга; врачу Якобсону — орден Льва и Солнца 2 степени¹.

Примечательно, что, согласно персидским порядкам, «русские офицеры-инструктора, после награждения орденом Льва и Солнца 2-й степени и лентой сартипа 2-го ранга были (становились. — *Ред.*) генерал-майорами, а после награждения орденом Льва и Солнца 1-й степени и лентой мирпенджа были генерал-лейтенантами. Начальник дивизии имел чин сардара — маршала»².

Следует особо отметить, что личному составу бригады запрещалось носить орденские ленточки «по иностранному образцу» и разрешалось это делать лишь «по русскому образцу с персидской мотивировкой»³.

Вооружение

Вооружили персидских казаков русским, немецким, французским, американским и японским оружием. Стрелковое вооружение персидских казаков было преимущественно японским. В первую очередь речь шла о карабинах и пулеметах «Шоша» (в том числе и «ружьях-пулеметах, которых, например, на Тавризский отряд или дивизион насчитывалось три единицы) и «Арисака»⁴.

Впрочем, на каждый дивизион приходилось и по 12–14 станковых пулеметов «максим». Например, в Тавризском отряде числилось 13 пулеметов, из которых четыре были немецкими, восемь — русских и один — «морской»⁵. Однако среди пулеметов с конца 1916 г. стали попадаться и американские «кольты».

При этом японские карабины «Арисака» с расширением бригады до дивизии к концу Первой мировой войны стали вытеснять русские трехлинейные винтовки⁶.

¹ Там же. Д.6. Л.26.

² Бузацель С. Указ. соч.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.53об.

⁴ Там же. Д.7. Лл. 7об., 27.

⁵ Там же. Л.7об.

⁶ Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии // Военно-исторический вестник. № 11.

Артиллерия была представлена французскими полевыми и горными орудиями Шнейдера и Крезо, а также российскими пушками Обуховского завода¹.

Однако в плане холодного оружия чинам бригады позволялась большая вольность. Так, русские инструкторы свидетельствуют, что «Офицеры и казаки (персидские) украшали свои шашки, кинжалы и газыри серебром и даже золотом (сыновья ханов)»².

Бытовые особенности

В числе сложностей службы русские инструкторы отмечали, что «с большими трудностями пришлось разрешить квартирный вопрос из-за мусульманских обычаев обитателей, изолирующих своих женщин.

Дома в Ардебиле с плоскими крышами, обнесены стенами высотой приблизительно в 3 метра, с наглухо закрытыми воротами. Снятая мною квартира была примитивна: она имела стены; в середине комнаты, служившей кухней, была яма объемом в кубический метр, а в потолке отверстие. Яма служила печкой, а отверстие в потолке предназначалось для эвакуации дыма. Яма нагревалась дровами или же кизяком.

В ней персы пекли их «лавай» (лепешки). Тяжело было моей жене, привыкшей к зажиточной кубанской жизни, очутиться в первобытных условиях. Пришлось мне в свободное от занятий время обустроить квартиру: соорудить из кирпича печку для приготовления пищи и даже голландскую — для отопления»³.

Отношения между русскими инструкторами

Отношения между самими русскими чинами дивизии не всегда были равными. Так, немало претензий имелось у них к командующему дивизией. Например, ротмистр С. Булацель пишет, что он достаточно странно и «противоречиво» назначал русских инструкторов на должности.

¹ Калугин С. Указ. соч.

² Булацель С. Указ. соч.

³ Захарин И. Указ. соч.

Так, они получали сначала одни назначения и, зачастую не вступив в должность, вскоре перенаправлялись на другие посты. Причем сам С. Булацель пишет, что его отозвали с такого назначения в Урмийский отряд, который он так и не принял и прождал этого назначения с конца июля по начало октября 1919 г., пока полковник Старосельский не «вспомнил» о своем приказе и не назначил его во главе Тегеранского отряда.

В свою очередь, не были ровными отношения и между самими русскими офицерами, а также между ними и персидскими коллегами, о чем свидетельствует уральский войсковой старшина П.А. Фадеев: «Полковник Хабаров встретил меня довольно сухо. Причиной тому, как я узнал позже, было мое вынужденное появление там в форме Уральского войска, с погонями войскового старшины...

Это было большим промахом с моей стороны и нарушением условий службы. Вместо выцветшей добела малиновой фуражки я имел на голове папаху-кубанку. За спешностью отправления на фронт и отсутствием средств я не мог приобрести в Тегеране требуемую форму. Даже поиски погон капитана не увенчались успехом.

Мое равнодушное отношение к «опасному» местонахождению штаба, наличие при мне двух (настоящих) казаков вызвало также у него некоторую неприязнь»¹.

Боевая служба

ОХРАНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В конце XIX — начале XX веков местных казаков и их русских учителей использовали, главным образом, для подавления внутренних беспорядков. По свидетельству капитана Серафима Калугина, «офицеры-инструкторы принимали участие не только в военных, но также и в политических делах; проводили русское влияние в стране и охраняли русские интересы»².

¹ Фадеев П. Указ. соч.

² Он же. Указ. соч.

По его же словам, «в 1909 году (реально 24 июня 1908 г. — *Ред.*), во время персидской (Конституционной. — *Ред.*) революции, бригада, по приказу Магомет Али Шаха, обстреляла меджидие (парламент). (Тем самым казаки под руководством русских офицеров фактически участвовали в антипарламентском перевороте)»¹, заставив следовать в русле шахской и одновременно пророссийской политики.

Казаки тогда сильно выручили местного правителя: они были единственной вооруженной силой, на которую он мог безоговорочно опереться. Не случайно, что казачий конвой, как самая надежная воинская часть, постоянно охранял семью шаха².

Персидская казачья бригада также несла и полицейско-охранную службу. Ее нередко привлекали к сопровождению по территории Персии иностранных представителей, в том числе французского и британского консулов³. Например, последнего казаки из Гилянского отряда охраняли во время его путешествия из Миана в Тавриз в июне 1920 г.⁴

ПЕРСИДСКИЕ КАЗАКИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИЗ БРИГАДЫ В ДИВИЗИЮ

С началом Первой мировой войны забот у персидских казаков прибавилось в связи с тем, что германские и турецкие спецслужбы пытались «взорвать» Персию и уничтожить здесь британское и российское влияние. Деструктивные элементы подняли голову и усилили борьбу против центральной власти. Казакам пришлось охранять от разбойников дороги, вести борьбу против сепаратистов — по свидетельству русских инструкторов, «полудиких кочевников, не признававших центральной власти и не плативших податей», непокорных племен кочевников и мятежников.

Они выступали по наущению немцев и турок, которые рассчитывали «сбросить шаха Антанты», посадив на его место ориентированного на Германский блок правителя. Территория Персии им была также нужна для связи с прогерманскими и протурецкими группами-

¹ Калугин С. Указ. соч.

² ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.11. Л.88.

³ Там же. Л.38; Там же. Д.11. Л.38.

⁴ Там же.

ровками в Афганистане, которые они рассчитывали использовать для повстанческой борьбы в английских колониях и в российских владениях в Средней Азии.

В это время персидские казаки защищали и принадлежавшие Российской империи в Иране концессии, торговые предприятия, переселенческие хутора и т.п.

Усиление внутренней нестабильности Персии побудило русское правительство приступить к переговорам с персидскими коллегами об увеличении численного состава бригады и расширении ее до дивизии, поскольку русские военные опасались, что турецкие войска могут напасть на Иран и быстро смять малочисленную казачью бригаду.

И 23 июня 1916 г. шах заключил с русскими и англичанами соглашение, по которому на юге Ирана под контролем Великобритании начали формировать еще одну казачью бригаду. В итоге планировалось создать дивизию расширенного состава из двух бригад на севере и юге общей численностью 24 тысячи штыков и сабель.

По данному договору «охрана порядка в Северной Персии поручалась Персидской казачьей дивизии, начальником коей был назначен генерал барон Майдель (ее тогдашний командир, офицер русской службы), а в Южной Персии, на подобных же условиях, под руководством английского генерала Сайкса, формировалась южная бригада (эспиа́р)... Россия и Англия соглашались авансировать Персии соответствующие средства. Между зонами русского влияния и английского была проведена нейтральная полоса»¹.

Реально эти планы остались на бумаге: Южную бригаду Персидской казачьей дивизии не удалось реально развернуть из-за начавшейся вскоре революции в России и волнений в самой Персии.

По свидетельству русских инструкторов, «это соглашение (по созданию дивизии) было подписано премьером Персии господином Салехсальваром, и требовались только ратификация межджиса и утверждение Шаха. Но... пришло известие о занятии турками Хамадана. Персидский кабинет пал, а новый отказался признать соглашение. В январе 1917 года, в связи со слухами о тревожном положении в России, персидское правительство официально аннулировало со-

¹ Калугин С. Указ. соч.

глашение, но все же Казачья дивизия на севере успела развернуться и занять намеченные пункты и начала выполнять все возложенные на нее задачи»¹.

Тем не менее Северную бригаду удалось увеличить до восьми тысяч штыков и сабель, то есть фактически до размеров дивизии. По свидетельству русских инструкторов, тогда «организация ее была своеобразной — отрядами, называвшимися по провинциям. Каждый отряд состоял из всех родов оружия, его начальником должен быть непременно русский офицер»².

В дополнение к уже существующим двум «особым большим» Тегеранскому и Тавризскому казачьим отрядам создали еще шесть — два «больших» и четыре малых отряда: Ардебильский, Буруджирский, Гилянский, Исфаганский, Урмийский, Хамаданский и Хорасанский отряды.

Об их составе можно судить по соответствующему Тегеранскому подразделению, состоявшему «из Гвардейского Стрелкового полка (8 рот), пулеметной команды (8 пулеметов Максима), полевой батареи (8 орудий), конной (6 орудий), конно-горной (4 орудия). Все орудия — наши, русские 3-дюймовые. Гвардейский Конный полк — 6 эскадронов»³.

При этом, по данным русских инструкторов, «к апрелю (1920 г.) состав частей (Ардебильского отряда) значительно увеличился: в кавалерии насчитывалось 250 бойцов (2 сотни), в пехоте — 300 (2 роты), в артиллерии 30 человек (1 батарея в 3 пушки), в пулеметной команде — 20 человек (4 пулемета), в хоре трубачей — 20 музыкантов. Персидский командный состав — 12 офицеров. Командир отряда — генерал Гусейн Мамед-Хан, младшие офицеры: Гусейн-Али-Хан, говоривший по-русски и служивший переводчиком, Рагим-Мамед-Али, Реза-хан и др.

Новое пополнение было нанято для расширения бригады до дивизии и в том числе формируемого Ардебильского отряда: «Начальником отряда был назначен капитан Добромыслов, его помощником —

¹ Калугин С. Указ. соч.

² Захарин И. Указ. соч.

³ Булацель С. Указ. соч.

поручик Гедеонов, младшими инструкторами: кавалерийским — я, подхорунжий Захарин, пехотным — урядник Симоненко, пластун»¹.

Подхорунжий Захарин так описывает его формирование: «Начальство дало объявление в газетах и расклеило афиши о том, что принимаются молодые люди в Ардебильский отряд персидской армии, в кавалерию и пехоту. Стали поступать добровольцы: в кавалерию шли главным образом сыновья богатых ханов, в пехоту — бедные»².

Также, по свидетельству русских инструкторов, «кроме этих отрядов, был сформирован из Сарбазских полков Арагский стрелковый батальон (впоследствии развернутый в бригаду. — *Ред.*), дивизионная учебная пехотная команда и пулеметная команда, также подчиненные русскому командованию Персидской казачьей дивизии (вспомогательные подразделения, в формировании которых также активно участвовали русские инструктора. — *Ред.*). Штаб дивизии находился в Тегеране»³.

ПРОТИВ КУРДОВ КУЧИК-ХАНА И БОЛЬШЕВИКОВ

С весны 1917 г. спецслужбы Турции и Германии усилили попытки дестабилизации Ирана. С этой целью они подкупали вождей курдских племен, поднимавших мятежи. Главным мотивом для их выступления стало «засилье иностранцев» — англичан и русских в Иране. Эти сепаратисты и стали тогда основным противником казаков.

Они были обучены немецкими и турецкими офицерами, налажившими снабжение их из Турции боеприпасами и всем необходимым для ведения войны, а также внедривших среди курдов настоящую воинскую дисциплину. В результате их действия стали представлять серьезную опасность для Тегерана.

Так, русские инструктора писали, что «за время войны с Германией и Турцией в Гилянской провинции (Решт) образовалась революционная организация, которую возглавлял Мирза Кучик-хан. Лозунгом этой организации была борьба с правительством, отдавшим страну в чужие руки»⁴.

¹ Захарин И. Указ. соч.

² Он же. Указ. соч.

³ Он же. Указ. соч.

⁴ Калугин С. Указ. соч.

Примечательно, что вожди курдского национального движения поклялись не брить бород и не стричь волос, пока не изгонят иностранных «оккупантов» из страны. Они и раньше славились своим бандитизмом, а теперь, чувствуя за своей спиной поддержку извне, и вовсе осмелели. Сепаратисты не ограничились объявлением «независимости» своего района и стали совершать разбойные набеги против персов за его пределы.

Между курдами и казаками нередко происходили стычки и даже настоящие бои, которые обычно мятежники проигрывали. Так, весной 1917 г. Персидская казачья дивизия участвовала в подавлении мятежей курдских племен шахсевени в районе Тавриза.

В операциях против шахсевени участвовал и отряд подхорунжего Кубанского казачьего войска Исидора Захарина. С 16 апреля 1917 г. он руководил в районе Арбебиля двухнедельной карательной экспедицией.

При этом во время оборонительных боев за деревни Гурдопу и Каранк его отряд, не имевший нормального вооружения, едва не был разбит мятежниками. Так, во время налета курдов, прорвавшихся из окружения, казаки-персы в панике ударились в бегство. Казалось, что сражение было проиграно.

Но когда шахсевени уже праздновали победу, русский командир своей личной доблестью, бросившись в бой, «привел казаков в чувство» и превратил поражение в победу. По словам самого Захарина, «во время боя погиб командир одной из застав и «казаки обратились в бегство, крича как дети. Заметив это, я поскакал навстречу беглецам, угрожая им револьвером. Мне удалось повернуть их обратно и отбить атаку»¹.

В это время одним из самых опасных направлений для казаков было гиланское. Собственных сил казаков в Гиляне для стабилизации положения не хватало. Это угрожало устойчивости власти в северном Иране.

Понимая это, русское командование решило отводить имеющиеся силы из опасного района на соединение с основными частями. Зная, что мятежники особенно ненавидят русских, на штыках кото-

¹ Захарин И. Указ. соч.

рых и держалась шахская власть в этой части страны, инструкторы и командиры дивизии увозили с собой семьи, что стесняло действия казаков.

Так, около деревни Каракирах по дороге на Астарту курды-шахсевени напали на Ардебильский казачий отряд, направлявшийся в Гилянскую провинцию на борьбу с мятежным Кучик-ханом, ставшим тогда самым влиятельным сепаратистом.

В ходе скоротечного боя курды были отброшены, но отряд понес потери ранеными и убитыми — не только среди казаков-персов, но и среди членов русских семей. Во время боя две женщины не перенесли психологического напряжения и сошли с ума, а сам Захарин лишился своего грудного ребенка.

Однако он смог на время забыть личное горе и весь отдался бою. Лихой подхорунжий собрал две сотни казаков и контратаковал курдов. Шахсевени не выдержали казацкой атаки и уступили дорогу.

Однако это не было последним их столкновением. В августе 1917 г. отряд казаков во главе с Захариним совершал переход из Сераба в Ардебиль. По дороге у деревни Ныр курды снова попытались его уничтожить. Нападению предшествовал подозрительный визит к русскому командиру местного муллы, который пытался выведать у Захарина его планы и вообще сведения, явно не относящиеся к религиозной сфере. Поэтому русский командир приказал не в меру любознательному служителю культа убраться.

И только мулла удалился, как на дозор отряда напали конные шахсевени. Захарин контратаковал противника, выручив казацкий дозор, и загнал остатки нападавших на курган. Курды заняли оборону на его вершине и кричали: «Не подходи, убью!»

Это не остановило русского командира, который смело атаковал врагов на коне. Их оказалось шесть человек. Захарина не смутило, что его сопровождал всего лишь один казак. Несмотря на свое численное превосходство, курды не выдержали удара и обратились в бегство. И пока спутник Захарина гнался за одним из мятежников, сам русский командир по очереди снес им головы шашкой.

Однако у его напарника дела шли не столь блестяще: его едва не убил из винтовки шестой курд. Но Захарин опередил повстанца и

метким винтовочным выстрелом уложил его наповал. Им оказался приходивший накануне в отряд мулла¹.

Уничтожив часть бандитов, Захарин продолжил преследование. В результате казаки отбили у курдов захваченный ими ранее караван и взяли троих пленных.

После этого отряд Захарина отличился в операциях против Кучик-хана в Гилянской провинции. Они были настолько успешными, что за их проведение он удостоился одной из высших наград шаха — серебряной медали².

Однако в начале 1918 года недобитый Кучик-хан восстанавливает силы, захватывает важный город Решт, обезоружив небольшой персидский отряд дивизии, занимает дорогу и приносит немало беспокорства остаткам русских войск экспедиционного отряда корпуса генерала Баратова, сражавшихся в Персии против турок, отрезанных от снабжения.

Во многом именно помощь большевиков и способствовала поражению (пленению) небольшого казачьего отряда в Реште в начале 1918 г. и уничтожению к середине мая того же года Урмийского казачьего отряда (совместно с большевиками, о чем речь пойдет ниже)³.

Положение для центральной иранской власти стало очень тяжелым: в результате весь север Ирана был захвачен мятежниками. Тегеран лишился помощи из России и был вынужден рассчитывать исключительно на свои собственные силы.

Тогда шах назначил полковника Старосельского «главнокомандующим гилянскими вооруженными силами», куда вошли почти все имевшиеся на тот момент у него под рукой части, поручив ликвидировать Кучик-хана. В резерве оставили лишь небольшие силы, в том числе и Гвардейскую батарею, плохо подготовленную для таких операций⁴.

Старосельский «4 марта 1919 года при участии небольшого английского отряда выступил в поход и 16 марта освободил Решт, взяв много пленных и рассеял всю банду Кучик-хана»⁵.

¹ Захарин И. Указ. соч.

² Он же. Указ. соч.

³ ГАРФ. Ф.4739. Оп.1. Д.1. Л.28.

⁴ Там же. Ф.4715. Оп.1. Д.2. Л.11.

⁵ Калугин С. Указ. соч.

О том, как происходила эта борьба, свидетельствуют документы по Персидской казачьей дивизии. Среди них — приказ самого полковника Старосельского по Гилянским экспедиционным силам 1 марта 1919 г. № 1 По строевой части § 1¹: «По приказанию Совета Министров и в интересах страны, терроризируемой в течение многих лет шайками разбойников, наводнивших страну и мешающих прогрессу, торговле и общественному спокойствию, я, как главный начальник казаков, верно несущих службу правительству, с 1 марта 1919 г. назначен Главнокомандующим Гилянскими экспедиционными силами для приведения Гилянской провинции в порядок и для уничтожения причин, мешающих течению в ней правильной жизни.

С 1 марта 1919 г. объявляю на военном положении части вверенной мне дивизии и назначаю в состав экспедиционных сил части Тегеранского, Тавризского, Гилянского, Ардебильского, Курдистанского отрядов и учебные команды.

Всего в состав Гилянской экспедиции входят: 2 русских полковников, 13 обер-офицеров, 23 урядника, персидских — 6 генералов, 4 штаб-офицера, 60 обер-офицеров, 31 муин-наиб, 316 конных казаков, 125 артиллеристов, 1267 пеших казаков, 13 сарбазских офицеров, 522 лошади, 370 сарбазов, 1 сарбазский муин-наиб и 27 сарбазских лошадей. Кроме того, к штабу дивизии прикомандирую для разных служебных поручений: 1 капитана 2-го ранга, 7 штаб-офицеров, 5 обер-офицеров и 2 чиновников».

Далее, после выдвижения русских и персидских казаков, начштаба дивизии полковник Филаретов издал приказ Менджильской колонне экспедиционного отряда Персидской казачьей дивизии 26 марта 1919 г., Решт²: «Кучик-хан находится в районе Шафт-Фамен-Масулэ; Ходжи-Ахмет (один из подчинявшихся ему ранее лидеров курдов) со своей шайкой изъявил полную покорность и 28 марта должен сдать все свое оружие и боевые припасы.

Приказываю выступить из Решта 27 марта в 9 часов по дороге на Кесму. Войти в связь с Зенджанской колонной есаула Ходалицкого; отбирать оружие по пути следования отряда у местных жителей, ведя

¹ ГАРФ. Ф.4715. Оп.1. Д.2. Лл.3–11.

² Там же. Д.2. Л.13.

строгую регистрацию всему собранному, как оружию, так и боевым припасам».

Между тем казаки продолжили преследование противника, о чем говорится в Приказе Экспедиционному отряду Персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии, Решт, 31 марта 1919 г.¹: «30 марта Кучик-хан с шайкой от 300 до 700 человек при 6 пулеметах был в окрестностях Рештабада. По полученным сведениям, он предполагает пройти через Мазандеран в Тегеран.

По установлении связи с Ардебильским отрядом и подходом его головных частей, подразделениям Экспедиционного отряда принять следующее положение: Ардебильский отряд есаула Ходамицкого из 3 рот, 2 пулеметов, 2 орудий и полуэскадрона конницы, не задерживаясь в Мосуле, спешно движется в Фуменат, оставив в Маклаване полуроту казаков. Сменить гарнизоны Тегеранского и Гилянского отрядов, поставив по одному взводу пеших казаков в Гурабзармах и Кесьме, по полуроте сарбазов в Хосров-абаде и в Базар-Текрем, штабу отряда с одной стрелковой ротой, пулеметной командой и сарбазской горной артиллерией стать в Фумене. Подьесаул Ходамицкий назначается Военным Губернатором Фумената. На Ардебильский отряд назначается наблюдение за ущельем к югу от Хосров абада. Планомерно обезоруживать все население Фумената, выдавая разрешение на ношение оружия только благонадежным лицам.

Тегеранский отряд, полковник Филаретов, движутся по направлению селения Ляхиджан по дороге Джума-базар-Решт-Кучисфаган — 4,5 роты, 2 эскадрона, 4 пулемета, 4 орудия».

Эти действия были удачными, о чем свидетельствует новый приказ по Гилянскому экспедиционному отряду, г. Решт, № 5, 4 апреля 1919 г. По строевой части § 1²: «Счастливи объявить отрядам и частям вверенной мне дивизии и иррегулярным частям, участвовавшим в экспедиции, телеграмму Председателя Совета Министров с Высококомиссивными словами Его Величества Шаха:

“Его Превосходительству господину полковнику Старосельскому, главнокомандующему Гилянскими экспедиционными силами. Полу-

¹ Там же. Л.16.

² Там же. Лл.3–11.

чил телеграмму Вашу № 90 и был обрадован успехами экспедиционных сил. Обо всем повергнул к стопам Его Императорского Величества и получил приказ передать Вам радость Его Императорского Величества по поводу достигнутых Вами успехов. Его Императорское Величество поручил Вам передать офицерам и казакам и всем прочим частям экспедиционных сил радость Августейшего монарха и Высочайшее благоволение.

Прошу Вас передать офицерам и казакам также и мою благодарность за службу за № 491 28 хамал. Председатель Совета Министров Цосугов Довле” (Уд-Доуле).

Уверен, что и впредь мы оправдаем высокое доверие Монарха и не пожалеем последней капли крови для славы и величия Персии».

И когда удача стала покровительствовать казакам, многие их противники стали переходить на их сторону, о чем свидетельствует новый приказ ротмистра Сливичко по Гилянским экспедиционным силам 8 апреля 1919 г. № 7, г. Решт, по строевой части § 1¹: «Вчера в Фумен прибыли вызванные мной ардебильские всадники, в числе которых позволили себе прибыть 46 всадников Наминского хана Сааром Салгане с братом его — Баба-ханом.

Всадники эти в прошлом году, когда Ардебильский отряд вверенной мне дивизии ввиду наступления турок отходил из Ардебилля на Астару, внезапно предательски дважды напали на этот отряд и нанесли ему потери, причем были убитые и раненые офицеры, казаки и даже их семьи.

Наглость появления этих всадников с Баба-ханом среди нас возмутительна и недопустима. Все должны твердо помнить, что предательские нападения на казаков не прощаются, пролитая кровь верных слуг Его Величества должна быть отмщена и виновные рано или поздно понесут суровую кару.

Терпеть в качестве своих союзников предателей и убийц казаков я не мог и отдал приказание арестовать их начальника Баба-хана, а всадников — разоружить и отправить обратно по домам. Только то, что эти всадники все же явились к нам на помощь, заставило меня дать им свободу, не предприняв против них более строгих мер,

¹ Там же.

но им приказано передать всем Наминцам, что казаки всеми силами защищают и оказывают всякую помощь своим верным союзникам, но никогда не забывают своих врагов-предателей. По этой причине после окончания Гилянской экспедиции участвовавшим в ней силам придти в Ардебиль для сурового и беспощадного наказания виновных».

Таким образом, в ходе нескольких серьезных стычек менее чем за месяц силы Кучик-хана были рассеяны. К началу апреля того же года основная часть Гилянского экспедиционного отряда Старосельского, выполнив задачу, прекратила боевые действия.

Преследование разбитого противника в апреле 1919 г. продолжал Курдистанский отряд Персидской казачьей дивизии¹. В середине апреля 1919 г. его силы выдвинулись против объединившихся противников шаха — Эсануллы-хана и Мирзы-Кучик-хана, обосновавшихся в старой крепости, находившейся юго-восточнее Дильмана около Имама и Сиакала².

В течение апреля русские и персидские казаки одержали новые победы, о чем свидетельствует очередной приказ полковника Старосельского по Гилянским экспедиционным силам, г. Решт, № 11 22 апреля 1919 г. По строевой части § 1³: «окружаемые со всех сторон нашими отрядами, мятежные банды Кучик-хана находятся в безвыходной ситуации. Энергичным преследованием конный отряд ротмистра Вербы принудил главные шайки Кучик-хана и доктора Хешкета к бою. В результате доктор Хешкет и 190 вооруженных дженгилийцев были взяты в плен. 80 других бросили на поле сражения оружие и бежали в сторону города Казвина. Сам Кучик-хан с небольшой группой скрылся в неизвестном направлении. По последним донесениям, еще 40 личных людей Кучик-хана пришли и сдались нам с оружием в Хурем-Абаде.

Шайка Эсанулла-хана, находящаяся в районе Уама-Покама-старой крепости, при приближении Гилянского отряда разбилась на три небольшие партии и рассеялась в разные стороны.

¹ Там же. Л.24 об.

² Там же. Л.26.

³ Там же.

Достигнуты значительные успехи, но все же еще нельзя сказать, что цели экспедиции окончательно выполнены. Это цели: 1) полное разоружение населения Гиляна; 2) совершенное уничтожение шашк Кучик-хана; 3) поимка и наказание виновных и 4) установление в крае порядка и законной власти. Поэтому приказываю всем отрядам и командам продолжать энергичную работу для исполнения поставленных нам задач.

Отряду полковника Филаретова приказываю выйти на Ешкivar в районе Палама-Баргана-Келаруда-Умама, по дороге исполняя основные задачи, и очистить этот район от мятежников. Поручику Гараконидзе и всадникам и взводом Тавризского конного полка пройти до Рудессера и очистить береговую полосу до гор Джурдешта, включив в свою зону и селения Рагимабад, Мачиан-Мианруд. Гилянскому отряду ротмистра Булацель — 2 роты и другие части — продолжать исполнение основных задач в районе Пелама-Умама, Кала-Руда».

В мае Кучик-хан был снова разбит, и казаки взяли многочисленных пленных. Оказалось, что он мог громить только небольшие отряды правительственных войск, а «лобовые» столкновения с казаками неизменно проигрывал, оставляя им многочисленные трофеи. Однако всякий раз после неудачного боя он избегал пленения и гибели, уходя с кучкой верных сторонников в горы.

Точку в деле Гилянского мятежа 1918 г. поставил военно-полевой суд, председателем которого назначили ротмистра Сливичкого. Он рассматривал дела плененных мятежников, которые «понесли заслуженное наказание»¹. В основном речь шла о смертной казни.

ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

Однако вскоре персидским казакам пришлось схлестнуться с куда более грозным противником — советскими войсками. Причем русские, белые и красные, снова столкнулись друг с другом уже на иранской земле.

Большевики появились в Иране уже в 1917 г. В то время северная и центральная часть Персии была занята регулярными русскими войсками, которые вели бои против вторгшихся на ее территорию турок.

¹ Там же. Л.32.

Но вместе с ними сюда проникли и революционные настроения, угрожавшие не только персидским казакам, но и власти шаха в целом. По мере их разложения большевики начинали все больше пересекаться в своих интересах с ними. Например, уже осенью 1917 г. большевики пытались разложить отряд Захарина, находившийся в Астаре.

Тогда же, в конце 1917 — начале 1918 гг., у персидских казаков и их русских командиров произошли с ними первые столкновения. Так, ротмистр С. Булацель пишет: «Приказом по дивизии от 10 мая 19-го года № 13 я назначался начальником Урмийского отряда...» Его «надо было формировать заново, потому что он подвергся нападению озверевшей солдатской массы, квартировавшей после войны в районе Урмии, и был разбит и разграблен. Начальник отряда и вся его семья были убиты. Штабс-ротмистр Макаров выпустил в бунтующих шесть пуль из нагана. Седьмую — себе в висок.

Благодаря доблестному подхорунжему Терского войска Дашкову остался в живых единственный поручик Гловачевский. Дашков, увидев, что творится, схватил солдатскую шинель и винтовку и побежал к живущему поблизости его поручику Гловачевскому. Надел на него шинель, дал винтовку и сказал: «Изображайте собой часового у склада фуража»¹.

Сложность ситуации для казаков усиливалась тем, что в начале 1918 г. агенты немецких и турецких спецслужб организовали в Гилян-ской провинции и ее столице Решт новый мятеж местных племен во главе с Мирзой Кучик-ханом, который, видимо, отдавая дань «моде» и желая получить помощь от своих единомышленников из Советской России, создал для борьбы против шаха «революционную» организацию. Между тем его девиз остался фактически прежним — борьба «с продажным правительством, отдавшим Персию в руки гяуров — русских и англичан».

Параллельно борьбе с «революционными курдами», в 1918 г. персидские казаки и их русские учителя-командиры приняли активное участие в подавлении большевистского движения в Азербайджане. В частности, по данным бывшего капитана дивизии

¹ Булацель С. Указ. соч.

Константина Карташевского, с советским движением в Азербайджане, возглавляемым мятежником Хиабаном, «покончили 200 казаков»¹.

Возвращаясь непосредственно к самой Персии, следует особо заметить, что, хотя сепаратистский мятеж подавили, нанеся курдскому национальному движению тяжелый удар, до конца Курдистан усмирить не удалось — основные его лидеры, обосновавшиеся в труднодоступных горных районах, готовились к продолжению борьбы. Они к тому времени были окрылены установленной связью с красной Москвой и ожидали от них серьезной помощи.

Впрочем, это не помешало казакам одержать в январе 1920 г. новую крупную победу над мятежными курдами, которые, правда, сами понесли большие потери.

А в 1920 г. Персидской казачьей дивизии уже по-настоящему пришлось скрестить с красными шашки. Тогда, по свидетельству русских инструкторов дивизии, «большевистские полчища вторглись в Персию в районе Энзели и повели наступление на юг. Против них была экспедиция, то есть настоящая война почти всей дивизией.

Первый период войны был победоносным. Красные потеряли все орудия, сотни пулеметов (явное преувеличение. — *Ред.*), все обозы и сотни пленных. Взятых в плен главарей уничтожили, а банду пленных отпустили.

По признанию русских инструкторов, «второй период войны для нас был неудачен. Большевики имели неисчерпаемые резервы, мы же — только потери, и среди наших казаков начала появляться красная зараза, так что я даже приказал в моем отряде пристрочить погоны к рубашкам на машине, а то они их снимали.

У большевиков снарядов и патронов было сколько угодно, а у нас все это уже кончалось. Силы неравные, и после боев в районе южнее Энзели мы с большими потерями отошли...

Англичане, которые были якобы нашими союзниками, — но без войск, — заключили с большевиками договор, по которому они прекращали военные действия»².

¹ Там же. Ф.5802. Оп.1. Д.1795. Л.18.

² Фадеев П. Указ. соч.

Следует напомнить, что в апреле — мае 1920 года в Персию отошли остатки белых войск Северного Кавказа и Уральской отдельной армии. Тогда же британские войска оккупировали северную Персию под предлогом ее защиты от возможного вторжения коммунистов на юг страны.

Англичане, будучи господами положения, интернировали Белую армию и захватили в порту Энзели белогвардейскую Каспийскую флотилию. На севере Персии они устроили укрепленную позицию в районе Энзели—Газиан вдоль Каспийского моря.

В это время в Энзели эвакуировалась белогвардейская Волжско-Каспийская флотилия. По свидетельству русских инструкторов Персидской казачьей дивизии, «англичане, сняв с орудий (корабельных) замки, разрешили офицерам носить оружие»¹.

Англичане, пользуясь беззащитным положением русских, ограбили их. Так, по приказу британского командования отобрали войсковую казну уральских казаков, вывезенную на вспомогательных крейсерах «Милютин» и «Опыт» из форта Александровского.

Впрочем, англичане не брезговали ничем, даже грабежом имущества простых беженцев, которое они забирали под самыми нелепыми предложениями. Каково же было удивление русских, когда они увидели свое добро (в том числе их серебряную посуду и рубли) на местных базарах!²

Впрочем, несмотря на такие действия «союзников», которые читатель может охарактеризовать по достоинству лично, коммунисты его не оценили. Не успели англичане распродать награбленные у беженцев вещи, как 5 мая 1920 г. на рейде порта Энзели, где стояли английская и интернированная русская флотилии, появился каспийский красный флот, по свидетельству русских инструкторов, «начавший обстрел порта и позиции. Офицеры-добровольцы, желая вступить в бой с большевиками, просили англичан выдать им замки от орудий (отобранные по приходу в Энзели в апреле), но получили отказ.

Англичане вступили с большевиками в переговоры, которые закончились сдачей англичанами позиции, богатых складов имущества

¹ Он же. Указ. соч.

² Он же. Указ. соч.

и около 10 тысяч пудов бензина («повелители океанов» быстро бежали из Энзели, оставив большевикам громадные трофеи, включая вспомогательные крейсера, радиостанции, орудия и пулеметы, а также предметы снабжения. — *Ред.*).

Сами они отошли в Решт, где находился отряд Персидской казачьей дивизии. Тогда персидское правительство отдало распоряжение гарнизону Решта и всем учреждениям оставаться на местах»¹.

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ГИЛЯНСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Как писали русские инструкторы, «красный десант этим не ограничился и, соединившись с Кучик-ханом, повел наступление на юг и вдоль побережья, захватывая новые порты. Коммунисты помогли ему собрать и вооружить (в том числе за счет захваченных в Энзели трофеев) новый крупный отряд взамен разбитого казаками. Их соединенные силы стали окружать Решт.

22 мая большевистский отряд, состоявший из матросов Балтийского флота и других частей Красной армии, вошел в него с Кучик-ханом и его партизанами. На площади Сабз-майдан состоялся митинг, на котором было объявлено отделение Гилянской республики во главе с президентом Кучик-ханом от Персии.

Однако по оценкам русских инструкторов, амбиции курдского вождя не ограничивались лишь одной провинцией, а простирались на всю страну: «к весне 1920 года, в Гилянской провинции имелся претендент на персидский престол Кучук-Хан, не признававший власти шаха Ахмед-Каджара. В других провинциях также было неспокойно...»²

По данным русских инструкторов, «через несколько дней (после провозглашения Гилянской советской республики. — *Ред.*) большевики потребовали, чтобы Персидский казачий отряд признал Кучик-хана, но, несмотря на все уговоры и угрозы, он остался верен Шаху и категорически отказался перейти на его сторону.

Тогда большевики решили уничтожить отряд. 2 июня около 5 часов утра, арестовав всех русских и персидских офицеров на их квар-

¹ Калутин С. Указ. соч.

² Фадеев П. Указ. соч.

тирах, открыли огонь по казармам. Бой продолжался более 3 часов. Когда казармы были разрушены артиллерийским огнем, казаки вынуждены были сдаться и вскоре бежали поодиночке в Тегеран, где и сообщали о событиях.

После этого большевики повели русских офицеров-инструкторов в революционный комитет, который приговорил 4 офицеров к смертной казни. Но выполнить приговор немедленно не решились, а послали его на утверждение Кучик-хану, который отказался подписать, сказав: «Русские офицеры — наши гости, а Коран не разрешает убивать гостей».

Всех инструкторов с семьями и всех служащих в отряде Кучик-хан отправил с конной охраной в лес, где все воспользовались свободой. Все арестованные русские, находившиеся в лесу, были отпущены на свободу, получив на дорогу деньги»¹.

Так начинались серьезные трения между курдами и коммунистами, которые, однако, временно сохранили свой союз.

Ответному удару по ним мешали англичане, надеявшиеся договориться с большевиками. Их действия тогда усугублялись и поднявшими голову противниками шаха внутри Персии. Не случайно, что по данным инструктора Захарина, «в мае 1920 года отряд наш получил приказ о переводе его в Тегеран. В столице Персии было неспокойно»².

Однако на пути красной угрозы снова стали русско-персидские казацкие отряды, которые нанесли противнику, особенно курдам «революционерам», несколько чувствительных поражений.

Об этом более подробно можно узнать из дивизионной «Сводки сведений о событиях на севере Персии» полковника Филиппова: «В последних числах июня и в начале июля месяца мятежники прибыли на нескольких пароходах из Энзели, произвели высадку в Мешедесеве и Бен-Ръяз (Риз или Рияс) и, завладев этими портами, они распространились на Барфруш на Ам... и временно до Сари, каковой порт был эвакуирован жандармами и Мандараманским [казацким] отрядом. Мятежники арестовали часть Администрации, чины

¹ Калугин С. Указ. соч.

² Захарин И. На службе у персидского шаха // Часовой. Январь 1981. №9.

которой не все успели бежать, и ввели свое управление занятой части территории.

5 июля есаул Иолкин выдвинулся спешно частью Хорасанского отряда на Бендергаз и его авангард стремительно атаковал высадившихся там мятежников, потеряв четырех казаков ранеными, но полностью, до последнего человека, истребил весь десант мятежников.

Канонерка мятежников «Товарищ Ленин» (бывший «Карс») открыла огонь по казакам, но огнем Горного (артиллерийского) взвода была повреждена, потеряла часть команды от него и была вынуждена скрыться, отойдя сперва к Ходжанефесу, а потом в море.

Через два дня прибыли в Бендергаз пять пароходов мятежников из Мешедесера с целью произвести высадку (десанта), но есаул Иолкин ее своими войсками не допустил, продовольствия взять с берега не разрешил, и мятежники, увидев твердое положение отряда, решившего боем препятствовать их высадке, и имея пример 5 июля, и не встречая сочувствия населения, определенно вставшего на сторону Правительства (шахского — ред.) и не польстившегося на их старания, все 10 июля удалились в Малые Туркмены.

Предпринятым по приказанию начдива (Персидской казачьей дивизии. — *Ред.*), назначенным Правительством (шахским. — *Ред.*) Главнокомандующим всеми силами для борьбы с мятежниками, комбинированным движением с трех сторон казаков и жандармов город Барфрун был взят 10 июля с боем и с небольшими потерями со стороны казачества. Причем первыми в него вошли тегеранские казаки авангарда капитана Дигмелова-второго.

Мятежники понесли потери убитыми и ранеными, 17 — пленными, взяты пулеметы, орудие, и путь на Мешедесер был одновременно с этого момента отрезан конными жандарами, а по Акманской дороге наступал капитан Кнорре. Об изложенном сообщаю для сведения. Начдив (Старосельский. — *Ред.*) отбыл на Амма»¹.

Далее, по свидетельству русских инструкторов, «в конце августа 1920 года красные, выйдя из Энзели, легко заняли Решт в 12–15 км на восток по шоссейной дороге на Тегеран. Шах все еще не мог принять решения (британцы предложили ему оказать помощь в обмен на его

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6, Д.11. Л.59; там же. Ф.5802. Оп.1. Д.1795. Л.59.

переход под их протекторат. — *Ред.*). Все, что было свободное в Тегеране, и отряды из провинций, были брошены на фронт.

Большевики, заняв Решт, почему-то остановили свое наступление, а персидская армия, получив подкрепление, перешла в наступление. Решт был ею занят, и там захвачено много оружия и военного материала.

С КУЧИК-ХАНОМ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

Отчасти этому способствовала ссора Кучик-хана с большевиками, недовольного их религиозной политикой и еще больше — попытками поставить его под жесткий контроль. По данным русских инструкторов, «большевики, заняв Гилянскую провинцию, начали насаждать советский строй, начались аресты, конфискация имущества, оскорбление национальных чувств и т. д. Видя все это, Кучик-хан отказался сотрудничать с ними»¹.

В результате, как это нередко бывает на Востоке, вчерашние союзники стали врагами, а враги — союзниками.

Однако в тот момент, когда, казалось бы, надо было объединить все силы в борьбе с общим противником, англичане решили вместо этого раз и навсегда покончить с русским влиянием в Персии. Они просто прекратили снабжение Персидской казачьей дивизии, которая, как они рассчитывали, оказавшись без боеприпасов и продовольствия, быстро развалится, тем более что у коммунистов тогда вопрос снабжения был поставлен лучше. И хотя в полной мере замысел англичан не удался, в итоге казаки потерпели поражение и были вынуждены отступить.

Тем временем большевики высадили крупные силы в Энзели, повели наступление на Решт и вынудили казаков отойти за этот город.

Но советское руководство не ограничилось северным Ираном (британцы рассчитывали, что тем самым они установят с красной Москвой прежний дореволюционный «статус-кво», поделив Персию на зоны влияния по старому образцу) и стремилось оккупировать всю страну.

¹ Калугин С. Указ. соч.

По данным русских инструкторов, большевики «повели наступление на Казвин, сбив по дороге англичан, и уже передовые части их были в 35 верстах от Казвина».

Видя, что аппетиты коммунистов заходят слишком далеко и их действия напрямую угрожают интересам Лондона, британское командование решило исправить ситуацию.

И, как это неоднократно происходило в истории, англичане по согласованию с персидскими властями решили воевать чужими руками. Так, адмирал Норрис предложил уральскому казачьему атаману, генерал-лейтенанту В.С. Толстову¹ и его казакам участвовать в защите Персии. Тогда-то и вошла небольшая группа бывшей Уральской отдельной армии в состав Хорасанского отряда Персидской казачьей дивизии. Ее возглавлял полковник П.А. Фадеев, герой разгрома и гибели знаменитого красного начдива В.И. Чапаева 5 сентября 1919 г.

Примечательно, что еще недавно остро стоявший вопрос снабжения для казаков тут же был решен, после чего уральцы сразу выступили на фронт.

Инструктор П.А. Фадеев свидетельствовал, что в то время «железных дорог в Персии не было. Поэтому путь в 250 км от Тегерана до

¹ **Толстов Владимир Сергеевич** (07.06.1884, станица Гурьевская Уральского казачьего войска — 1956, Сидней, Австралия) — из дворян-казаков. В 1905 г. окончил Николаевское кавалерийское училище.

Первую мировую войну завершил полковником, командиром 6-го Уральского казачьего полка. 23 марта 1919 г. войсковым кругом выбран атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью для восстановления боеспособности казаков, что он делал крутыми мерами — от порки до расстрелов. Тогда же произведен в генерал-майоры.

С апреля 1919-го по январь 1920 г. — командующий Уральской отдельной армией, генерал-лейтенант. 20 декабря 1919 г. в условиях уничтожения войска эпидемиями тифа отказался от атаманства, передав власть «Комитету Спасения Войска», продолжая исполнять обязанности командующего Уральской отдельной армией.

Именно на него ложится ответственность за гибель большей части армии при ее отходе в феврале — марте 1920 г. на форт Александровский, который был фактически неподготовленным и плохо организованным.

5 апреля 1920 г. при занятии его советским десантом ушел с группой казаков и офицеров из 214 человек, с которой 4 июня, потеряв в стычках с отрядами враждебных киргиз и туркмен 51 человека, прибыл в Персию. С 1921 г. — член «Русского Совета» генерала П.Н. Врангеля и его помощник по казачьим войскам. На 16 мая 1921 г. находился с большей частью отряда в устроенном англичанами лагере русских беженцев в Басре (Месопотамия). С августа 1922 г. — председатель правления казачьих войск. С 1942 г. проживал в Австралии.

Решта казаки шли походным порядком. Этот переход был очень тяжелым и изнурительным. Отягощенные полным комплектом оружия и амуниции, войска под палящими лучами солнца двигались очень медленно»¹.

Примечательно, что, согласно свидетельствам русских инструкторов, квартирование происходило по старым порядкам русской армии: «при движении на Решт наш отряд останавливался на ночлег по деревьям, и староста размещал «казаков» и офицеров по обывательским домам»².

Далее, по словам Фадеева, чтобы остановить продвижение большевиков и выгнать их из Персии, шах и правительство назначили полковника Старосельского Главнокомандующим всех вооруженных сил Персии, и он между 10–12 августа выступил против красных и 3 колоннами повел наступление на Решт. 22 августа Решт был взят. Население в белых одеждах, с цветами встретило полковника Старосельского как своего освободителя.

Во время наступления было захвачено до 1000 пленных, 14 орудий, много пулеметов и склады в Реште. Шах благодарил Казачью дивизию и пожаловал полковнику Старосельскому титул «Князь из князей».

Периодически происходили и стычки с отрядами мятежников, тормозившие продвижение казаков и приводившие к ощутимым потерям. В этот период снова снабжение из Тегерана и от англичан заметно ослабло. В связи с этим имущество убитых и умерших казаков и офицеров, от личных вещей до лошадей, шло на аукционе с молотка. Вырученные таким образом деньги шли в то подразделение, в котором служил погибший, а его родственники с этого ничего не имели.

За время сентябрьских боев 1920 г. Персидская казачья дивизия нанесла противнику новые поражения, захватив у мятежников орудия и пулеметы, немало лошадей³.

По свидетельству инструктора И. Захарина, «командовал экспедицией поручик Гедеонов, есаул Ходалицкий и я оставались в Тегера-

¹ Фадеев П. Указ. соч.

² Он же. Указ. соч.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Лл.150 об., 180.

не. Большевики были выбиты с персидской земли. В боях против них погиб поручик Гедеонов»¹.

За участие в летне-осенних боях 1920 г. многие казаки, в том числе и русские, удостоились высших персидских наград. Персидская казачья дивизия вообще и ее командир в частности в очередной раз были буквально засыпаны благодарностями и наградами от высших иранских сановников и самого шаха, а 35 наиболее отличившихся русских и персов были произведены 9 сентября в новые чины².

При этом казаки показали такую высокую выучку, что за «отлично-усердную службу» русское командование с 14 сентября сократило для них занятия на один день в неделю³.

Русские инструктора писали, что «после сдачи Решта и отхода в Энзели красные долгое время не проявляли никакой активности. Этот временный успех поднял дух персидской армии и внушил какие-то надежды персидскому правительству... В результате была создана благоприятная обстановка для разгрома советских и курдских отрядов. Однако персидская армия, обложившая порт Энзели, не рисковала атаковать укрепленную красную базу, находившуюся под защитой морской артиллерии»⁴.

ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ

По признанию русских инструкторов, около трех недель они, не имея приказаний сверху, фактически предавались безделью. Так, капитан П.А. Фадеев пишет: «В Реште, куда наконец прибыл наш отряд, находился штаб фронта, операциями руководил начальник штаба «дивизии» Генштаба полковник Филиппов.

После двух дней отдыха в Реште я, со своими казаками и с проводником-офицером, отправился на правый фланг фронта, который охранял Тегеранский конный полк, целиком расположенный в одном селении в 10 км от моря, отделенного от него рисовыми полями. К берегу моря высылались лишь посты для наблюдения. После сдачи

¹ Захарин И. Указ. соч.

² ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Лл.155.

³ Там же. Л.159.

⁴ Фадеев П. Указ. соч.

Решта и отхода в Энзели красные долгое время не проявляли никакой активности...

Ротмистр Трофимов — инструктор полка — был человек приятный, размещение в доме губернатора с его прислугой было удобно, и около 10 дней, проведенных в его обществе, прошли незаметно.

Только один раз, и то по своей охоте, я поехал посмотреть на «свое казачье море Хвалынское» под предлогом ознакомления с расположением постов и для обмена бутылки коньяка и килограмма сахара на банку икры и тешку балыка (традиционная для многих уральских казаков до революции еда. — *Ред.*) на рыбных промыслах Леонозова.

Эта «операция» делалась по совету ротмистра Трофимова, так как управляющий промыслами братья деньги за икру отказывался.

Через неделю из штаба фронта я получил приказание отправиться на левый фланг в непосредственное распоряжение полковника Хабарова, начальника Тегеранского отряда.

Это был самый сильный отряд по вооружению и численности. Состоял он из одного пехотного полка (4 батальона), кавалерийского полка (6 эскадронов), одной батареи 3-дюймовых орудий и нескольких других разнокалиберных пушек и пулеметной команды. Штаб полка находился в местечке Пир-Базар в 3–4 км от залива Мурдаб под Энзели.

При полковнике Хабарове в роли адъютанта с погонями капитана я встретил полковника Бондырева Донского войска.

Позицию по заливу Мурдаб, имевшую целью защиту левого фланга фронта, занимал батальон Тегеранского полка с 2 орудиями и 3 пулеметами. Левее позиции было устье большой реки Сифид-Руд, а за ней непроходимые болота и рисовые поля.

На другой день я был послан командовать этим отрядом. В Пир-Базаре был, собственно говоря, лишь резерв (1 батальон), а остальные части Тегеранского отряда занимали позиции по главному направлению левее шоссе на дороге Энзели—Решт—Тегеран.

Батальон, занимавший позицию, из-за частых разливов реки Сефид, с пулеметами был расположен на большой барже. Орудия стояли сзади нее на возвышенности. Залив Мурдаб — очень мелкий, и большие суда с орудиями входить в него не могут. Красные катера, появ-

лявшие перед позициями, легко разгонялись огнем пулеметов, а в случае их настойчивого желания приблизиться к позициям — огнем из орудий.

В такой обстановке протекали дни. От бездействия мы с Фофоновым ловили сомов, которых в реке было неисчислимо количество»¹.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Подобным бездействием персидской стороны воспользовались большевики. «В конце сентября 1920 года красные, выйдя из Энзели, атаковали персидскую армию на главном направлении, откуда нам хорошо слышна была артиллерийская стрельба.

В заливе Мурдаб появились красные катера. В первом же наступлении большевики заняли Решт со стороны Пир-Базара, высадив там десант. К 10 часам утра полковник Бондырев передал мне по телефону: «Начальник отряда приказал: орудия, тяжелые пулеметы направить на шоссе на дороге выше Пир-Базара, как и все тяжелое имущество батальона...»

Перед отправкой орудий было приказано разогнать наседающую флотилию катеров красных, после чего все было отправлено согласно полученному приказанию, а я перешел на баржу.

За несколько дней до этого моего испытанного Фофонова заменил вестовой Завялов, претендуя, что он должен находиться при мне «в боях», а Фофонову нужно оставаться сзади...

Наступление было плохо организованным и проходило от залива Мурдаб через реку Пир-Базар. При этом командир Тегеранского отряда Хабаров, будучи человеком крайне суеверным, был абсолютно не на высоте занимаемого им положения. Также выяснилось, что персы-казаки абсолютно не готовы к форсированию даже самых незначительных водных преград: «Правый берег реки Сефид — низкий, со многими ериками, заполненными водой, но, к счастью, неглубокими. Перед самым Пир-Базаром широкая низина была вся залита водой.

Персы боятся идти в воду, нам же это дело знакомое. «Завялов, покажи дорогу!» Завялов идет вперед, винтовку, патронташ держит над головой. «Батальон, за мной!»

¹ Фадеев П. Указ. соч.

Вода достигает лишь первой пуговицы у гимнастерки, и батальон без потерь вместе с пулеметом Льюиса пересек низину.

Два взвода пехоты, 10 конных с конями для меня, Завялова и командира батальона ожидали нас вместе с приказанием спешно отходить.

Отходить можно только через Решт, а до него нужно пересечь речку с мостом. По лесу к дороге уже слышна ружейная стрельба. Чтобы не быть отрезанным от Решта, я с конными скачу к мосту, приказав батальону бегом двигаться за мной.

Стрельба приближалась, но нам удалось пройти по мосту до занятия его красными и двинуться на Решт по проселочной дороге, правее шоссе, по которой отходили главные силы.

Заняв окраину Решта, я выслал конный разъезд на шоссе для осведомления, а в ожидании результатов командир батальона наводил справки о пути на юг от Решта. Прошло добрых полчаса — разъезда все нет.

Жители этой окраины не знали, что происходит на другом конце города. Обязав жителей в случае возвращения разъезда направить его за нами, но допуская и возможности, что он целиком попал в плен, батальон направился к выходу из Решта на его юго-восточную окраину. Карт этого района у нас не было.

Я предполагал, отойдя от Решта на десяток километров, повернуть на восток и параллельными дорогами по лесам обойти фронт, зная по опыту нашей войны, что большевики в подобных случаях далеко в стороны «не распространяются».

По выходе из Решта сделали привал. Разъезд не возвращался, и батальон двинулся дальше. Начинало уже темнеть.

В селении, где, по моему плану, батальон должен был повернуть на восток, находилась большая группа партизан Кучук-хана, от которых стало известно, что по этой же дороге на юго-восток прошла часть Тегеранского отряда с полковником Хабаровым и генералом Реза-ханом за 2–3 часа до нашего прихода.

План обхода фронта лесами был оставлен, и после хорошего отдыха было решено двигаться дальше ночью для соединения с отрядом.

С проводниками от партизан мы целую ночь усиленным маршем двигались вперед. По пути попадались селения, бесчисленное количество речек, ручейков без мостов... Дорога чаще шла лесом.

Встречавшиеся группы партизан информировали нас о движении Тегеранского отряда. В этом марше «казаки» персидской армии показали свою необыкновенную выносливость и... послушание.

Лишь к утру мы нагнали Тегеранский отряд, расположенный в одном из селений для ночлега.

После одного дня марша Тегеранский отряд догнал есаула Ходолицкого с его Тавризским отрядом, очутившимся там по неизвестным мне причинам и двигавшимся на селение Массула, находившееся в горах, под снежным перевалом того же названия.

Есаул Ходолицкий предполагал от Массулы до пересечения перевала повернуть на Тавриз. Хабаров решил вместе с Тавризским отрядом подняться на Массулу, но пересечь снежный перевал и восточным его склоном спуститься в тылу фронта.

Никакой связи с фронтом у нас тогда не было. На мое предложение (вторичное) приблизиться к фронту, как я предполагал сделать с батальоном, обойдя его лесными дорогами, полковник Хабаров ответил отказом.

От последнего селения на равнине в горы вела узкая тропа с выдолбленными копытами мулов в течение веков ямками. Только пользуясь ими, ставя ноги из одной в другую, мулы и кони, по одному, могли подняться в гору.

Подъем до Массулы был очень утомительным и занял целый день. Много коней и мулов сбили свои подковы, «казаки»-персы за день истрепали вконец свою немудреную обувь, состоявшую из туфель (чорохи) с парусиновым верхом и с подошвами из прессованного с клеем тряпья.

Селение Массула было особенным. Жилые помещения были высечены в скалах и этажами, так что потолок одной скалы служил полом другой. Жители его — полудиккий народ — занимались разведением мулов и разбоями.

Для Кучук-хана Массула была как бы убежищем от преследований правительства шаха. В Массуле, уже с участием Ходолицкого и Реза-хана, вновь поднялся вопрос, что делать дальше Тегеранскому отряду.

Полковник Хабаров, видя снежные вершины, решил спуститься с гор, приблизиться к шоссе Решт—Тегеран и присоединиться к главным силам — тем способом, что предлагал я. Спуск с гор был еще более труден и занял также целый день.

Другой день ушел на приближение к фронту. В тылу и на флангах все было спокойно, и отряд повернул направо по хорошей проселочной дороге.

Все шло хорошо, но полковник Хабаров был хмур и плохо настроен. И нужно было, чтобы к вечеру этого дня при приближении к одному селению (я и Реза-хан ехали впереди вместе с полковником Хабаровым) черная кошка, именно черная, пересекла нашу дорогу!..

Полковник Хабаров немедленно приказал отряду идти обратно на Массулу, несмотря на наши с Реза-ханом уговоры и на мое предложение с конной группой заставой идти впереди отряда.

Мы не имели ни малейшего понятия, где установился фронт, но через жителей мы могли это выяснить и установить связь с ним, но полковник Хабаров приказал вновь идти на Массулу.

Еще с большими трудностями, чем в первый раз, только поздним вечером мы добрались до нее, так как и люди, и мулы, и кони были сильно переутомлены. Снежная линия вершин, к счастью, была не широка, и мы ее пересекли без особых трудностей, но для спуска с гор по их восточному, крутому склону дорог не было, склон был каменистый и с колючей травой и очень редко населен.

Большая половина «казаков» шла босыми. Первую ночь отряд остановился на ночлег в поле около одного ручья. Полковник Хабаров был очень хмур, со мной почти не разговаривал, но в то же время, боясь измены со стороны партизан Кучук-хана, меня просил (приказывал) на ночлег останавливаться вместе с ним и чтобы Завялов был бы непременно с нами...

Ниже гор поселения были более частыми, ночлеги более удобными, так же как и питание. Только на 16-й день отряд вышел на шоссе с главной дорогой управления, сзади установившегося фронта, около селения Мын-Жиль»¹.

¹ Фадеев П. Указ. соч.

ПОПЫТКА КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Но в этот момент, несмотря на тяжелое положение казаков и в том числе острую нехватку лошадей¹, командование Персидской казачьей дивизии разработало стратегический план освобождения всего северного Ирана.

Так, 7 октября 1920 г. есаул Ходалицкий сообщил ротмистру Савичу, начальнику Ардебильского отряда: «Ардебиль. Сегодня предполагается общее наступление всех экспедиционных сил на Энзели. В поддержку этого наступления Вам с 40 пешими казаками под командой наиба 2-го ранга Мамеда Керим Хана с 15 конниками и под командой наиба 3-го ранга Мухтар Низама и с одним французским горным орудием поручика Коченержского, приказываю выступить 8 октября в 8 часов в район расположения Сардара Мухтадыра»².

Однако этот план не удалось воплотить в жизнь. Большевики, подтянув дополнительные силы, поспешили опередить казаков. В результате произошел встречный бой. Персидская казачья дивизия столкнулась с превосходящими силами противника. Она не только не выполнила поставленных перед ней задач, но и потерпела поражение и была вынуждена отступить, огрызаясь контрударами и нанося врагу поражения местного значения.

В ходе этих столкновений казаки понесли большие потери. Были жертвы и среди русских инструкторов. Так, 9 октября 1920 г. в бою с большевиками под Козьяном погиб поручик Гараконидзе³.

Всего же, по данным инструктора дивизии С.М. Калугина, «в боях против большевиков было убито 4 офицера-инструктора»⁴ (русских. — *Ред.*).

Есаул Ходалицкий писал ротмистру Савичу о бое под Козьяном достаточно кратко: «Сегодня в ночь под натиском противника наши главные силы отошли на Хуламские позиции. По этой причине приказываю Вам оставаться со своими частями в Зиабаре до последующего распоряжения и постоянно и бдительно наблюдать побережье Мурдаба»⁵.

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.203.

² Там же. Ф.4715. Оп.1. Д.2. Л.43.

³ Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.192.

⁴ Калугин С. Указ. соч.

⁵ ГАРФ. Ф.4715. Оп.1. Д.2. Лл.41, 42.

Однако Персидская казачья дивизия, несмотря на новые происки англичан, еще не раз показывала свои лучшие боевые качества. Так, 12 октября русские инструкторы сообщали с фронта, что «сего числа в районе Посейхона оттеснены мелкие части противника»¹.

Но в целом бои шли с переменным успехом, и вскоре ситуация снова изменилась в худшую сторону, хотя некоторые лидеры курдов, враждовавшие друг с другом, решили пойти на временный союз с казаками. Так, 14 октября ротмистр Савицкий сообщал полковнику Хабарову: «Я с конницей был сегодня в Посейхоне, но вечером большевики меня выбили. Их было не больше 100 человек пехоты с одним пулеметом. Сегодня у меня был брат Кучук-хана Исмаил-хан, который заявил, что будет помогать казакам»².

В то же время русские офицеры сообщили, что «казаки нанесли большевикам сильное поражение у Думамбэбазара, у них много раненых и убитых. Сардар-Могги ранен»³.

При этом чины Персидской казачьей дивизии тогда захватывали немало трофеев, включая орудия, пулеметы, лошадей⁴. А бойцы Тавризского отряда даже захватили, как они сообщали, «у мятежников шестиместный легковой автомобиль Стевер»⁵.

За это в конце октября — начале ноября 1920 г. сразу несколько русских офицеров были награждены персидскими орденами и медалями⁶.

Впрочем, из скурых фронтовых сообщений русских инструкторов, датированных серединой октября, явствует, что бои в это время были ожесточенные и приводили к большим потерям среди казаков, хотя русских среди них почти не было⁷.

При этом дивизию тогда сильно ослабили и небоевые потери, например, от болезней, в том числе малярии, что соответствующим образом отразилось на ее боеспособности⁸.

¹ Там же. Л.57.

² Там же. Л.64.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Лл.150 об., 180.

⁵ Там же. Д.7. Л.33.

⁶ Там же. Д.6. Л.206.

⁷ Там же. Л.104об.

⁸ Там же. Л.55об.

Денежный вопрос

Бы и другой негативный для дивизии момент: вопрос о пенсиях и пособиях для родственников погибших был проработан слабо. Семьям убитых казаков и офицеров полагалась сравнительно небольшая пенсия. Так, жена убитого в январе в столкновениях с курдами командира эскадрона ежемесячно получала 150 кран, тогда как зарплата учителя русского языка в дивизии составляла 450 кран в месяц¹.

При этом раненым, но уцелевшим русским офицерам одновременно выплачивали более серьезные суммы. Например, за ранение в Салмаской экспедиции сотнику Гридасову выплатили пособие в 5000 кран².

Для сравнения — штаб-трубач получал 250 кран в месяц, фельдшер (в том числе и русские женщины на таких должностях — 500 кран ежемесячно, а делопроизводитель дивизии, ведущий все канцелярские работы, — 150 кран в месяц³. На конец 1920 г. последнюю должность замещал одновременно фельдшер Тимонин⁴.

Нередко деньги выдавались и за сдельную работу. Так, прачка Панкратова за стирку лазаретного белья получила одновременно 189 кран⁵.

Несмотря на то, что по персидским меркам жалование русских было велико и большинство персов о нем просто мечтали, далеко не все были довольны своим положением. Так, в августе 1920 г. ежемесячная зарплата санитары дивизии составляла семь туманов (70 кран), и на нее он не мог прокормить свою семью из семи человек⁶. Вскоре после его жалобы она была увеличена до 11 туманов, но это не сильно изменило его положение.

Разложение казаков, проступки и наказания

Уже к концу Первой мировой войны среди чинов Персидской казачьей дивизии, в том числе и русских, стало заметно разложение, заметно ослаблявшее ее боеспособность. Нередким явлени-

¹ Там же. Ф.4715. Оп.1. Д. 2.Лл.54, 184 об.

² Там же. Ф. 4723. Оп.1. Д.7. Л.33об.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.27. Л.6 об.

⁴ Там же. Л.36 об.

⁵ Там же. Л.34.

⁶ Там же. Л.70.

ем тогда среди добровольцев-казаков стало дезертирство, особенно среди новобранцев. За это виновных сурово карали, даже если они одумывались и возвращались в часть. Например, в таких случаях сержантов разжаловали в рядовые казаки и держали под арестом семь суток¹.

Подобным образом наказывался за неявку на службу и младший командный состав. Например, за подобные преступления наибов также арестовывали на семь суток.

Кроме того, казаки неоднократно грабили местных жителей. Например, на станции Зенджан русские чины дивизии самовольно захватили два фургона, а в другом случае персидские казаки ограбили зажиточных граждан, закопав по шею в песок нескольких людей известного местного авторитета Морад-хана, и разгромили один дом².

Также нередко в Тегеране казаки массово ходили к проституткам. После этого они сильно напивались, ходили пьяными по улицам и «злодействовали». Ситуация достигла такой остроты, что 27 ноября 1919 г. решено было отныне судить таких дебоширов³.

Кроме того, в марте 1920 г. в Тавризе казак убил местного жителя. Начальство и власти не смогли его осудить, поскольку жертву быстро похоронили до заката солнца по мусульманскому обычаю и не провели освидетельствование относительно причин его смерти⁴.

А 27 апреля эта история фактически повторилась в городе Зенджане, где якобы в хлебопекарне казак во время массовой давки убивает кинжалом пекаря. Местное население поймало его и жестоко избило, несмотря на то, что вина конкретного человека не была доподлинно установлена.

Как бы там ни было, но после этого здесь настроение к казакам было крайне враждебно, и жители города даже хотели отомстить товарищам задержанного, напав на них.

Впрочем, и сами казаки нередко страдали в результате своих «гуляний». Так, в мае 1920 г. в пьяном состоянии покончил с собой казак Нестроевой команды Сеид-Гасан⁵.

¹ Там же. Ф.4715. Оп.1. Д. 2. Л.141 об.

² Там же. Лл.16, 20, 21.

³ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.11. Лл. 6–7.

⁴ Там же. Л.12.

⁵ Там же. Л.48об.

В результате буйства казаков и осложнения внутренней ситуации в стране появление их в крупных населенных пунктах становилось все более опасным. Осознавая это, командир Тавризского отряда в июне 1920 г. написал предписание: «Прошу всех русских чинов отряда по возможности избегать посещения города и в случае такового посещения возвращаться засветло»¹.

О том, что такое предостережение было нелишним, свидетельствует июльское избиение тавризскими жандармами группы казаков, на которых напал их караул, стоявший возле жандармского штаба, представители которого заявили о недопустимости нахождения посторонних возле данного объекта. Примечательно, что они еще до этого проявляли к казачеству явно враждебное отношение².

Многие из казаков не всегда хорошо исполняли порученную им службу и задания командиров, опаздывали на строевые и стрелковые занятия и даже прогуливали их, что наказывалось лишь «строгим выговором»³.

В свою очередь, чины дивизии, обязанные также выполнять работы в отрядных саду и поле, как оказалось в середине апреля 1920 г., делали это плохо, и командованию тавризского отряда пришлось специально назначать наиба для контроля над ними⁴.

Также казаки порой совершали преступления и в отношении друг друга. Например, кражи⁵.

Более того — некоторые из них совершали явные должностные преступления, например, читали секретную почту их русских командиров⁶.

При этом русские также допускали злоупотребления. Так, начальник казаков полковник Старосельский отмечал, что в дивизионных пекарнях хлеб выпекают хорошего качества, а казаков кормят плохим.

Это объяснялось тем, что интенданты продавали хорошую продукцию на сторону, а подчиненных кормили более дешевой и худшей

¹ Там же. Л.29.

² Там же. Лл.56–57.

³ Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Л.18.

⁴ Там же. Д.11. Л.19.

⁵ Там же. Л.79.

⁶ Там же. Л.47.

по качеству. Поэтому начдив поставил раздачу хлеба под строгий надзор и организовал расследование этого злоупотребления с обещанием «строгого взыскания» с виновных¹.

Впрочем, подобная ситуация отмечалась и в отрядных хлебопечкарнях в отдаленных районах с подачи представителей русского командования, которое нередко злоупотребляло не только с хлебом, но и с прочим вверенным ему имуществом².

Старосельский стал активно бороться против этих непорядков и вообще начавшегося разложения во всех его формах. Положение действительно было серьезным. Так, например, несмотря на то, что большая часть казаков была персами-мусульманами, это не мешало им регулярно буйствовать и пьянствовать³.

В марте 1920 г. был разжалован в казаки и исключен из состава дивизии за пьянство и стрельбу в городе сердаз (урядник) Гасайд-Мехмед.

В таких случаях жалование увольняемых удерживалось в казну. Подобные случаи наказаний за чрезмерное употребление алкоголя и злостное нарушение по службе были нередки.

Однако во взаимоотношениях с рядовым составом русское начальство в большинстве случаев было строгим, но справедливым. И нередко ранее разжалованных за разные проступки не только восстанавливали в сердазах⁴ «за усердную службу» и «боевые отличия», но и производили в более высокие чины, например, в найбы, если они показали своё рвение к службе.

Например, 2 мая 1920 г. «за незнание устава караульной службы» были разжалованы в рядовые сразу несколько сердазов дивизии, а казак Аскер-Мовли Кули, напротив, был произведен в «урядники». Будучи часовым, он стоял на посту несколько лишних часов. Сердазы его хотели сменить не по уставу караульной службы. Однако он отказался им сдать пост, пока его не приняли по установленным правилам⁵.

¹ Там же. Л. 20 об.

² Там же. Л. 82.

³ Там же. Ф.4739. Оп.1. Д.1. Л.26а.

⁴ Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.6. Лл.9, 11.

⁵ Там же. Л.44.

Так русское командование поощряло казаков, которые исправно несли службу и наказывало относящихся к ней халатно, не исключая и офицеров. Так, 26 мая 1920 г. «за неисправимо дурное поведение» был отстранен от командования ротой Мамед Али Хан.

Это свидетельствовало о том, что русское командование стало гораздо более сурово реагировать на малейшие нарушения службы, предпочитая избавляться от негодного элемента. Например, был разжалован в казаки и исключен из состава дивизии сердаз, который подменил казенные патроны более худшими по качеству (кустарными).

При этом даже боевой успех не гарантировал провинившимся прощения. Так, несмотря на победу над мятежниками в 1920 г., наиб 3-го ранга Мамед-хан получил от российских офицеров выговор. Взыскание на него было наложено за то, что он вовремя не известил вышестоящее начальство о ходе боя и оставил у себя трофеи, в том числе лошадь, которую по правилам должен был отослать в распоряжение командования дивизии¹.

Отчасти подобное положение дел можно было объяснить неудовлетворительной ситуацией со снабжением чинов дивизии, как офицеров, так и рядовых казаков, денежным довольствием. В 1920 г. обычным делом были задержки жалования на один — два месяца. Например, за 9 августа — 9 сентября того же года персидским казачьим офицерам не выплатили 1390 кран, казакам — 24 660 кран, запасным офицерам — 1860 кран, русским офицерам — 25 860 кран².

Впрочем, реально положение дел было еще хуже, поскольку из-за сильно ухудшившегося снабжения казаков из «центра» в 1920 г. командование дивизии пошло на экстренную меру — заимствование жалования на нужды соединения у ее же чинов³. Подобная ситуация стала наблюдаться не позднее марта 1920 г.⁴

Так, на октябрь только у офицеров для этого были заняты более 150 тысяч кран⁵.

¹ Там же. Л.167.

² Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.7. Лл. 28об. - 30 об.

³ Там же. Л.38.

⁴ Там же. Д.6. Л.9.

⁵ Там же. Л.5 об.

В результате к концу 1920 г. соответствующие задержки составили четыре — пять месяцев, а некоторым и больше, причем казакам долги отдавали гораздо реже и меньше, чем офицерам. Так, только делопроизводитель Ченчиковский, находившийся продолжительное время в Ардебильской экспедиции (с 18 августа 1920 г.) при увольнении 23 декабря того же года получил 5040 кран задержанных ранее денег¹.

Отчасти подобное положение скрашивало лишь безвозмездное выделение на проживание офицеров достаточно крупных сумм. В частности, в делах дивизии отложилось распоряжение командования, согласно которому «пришедшую в негодность на квартире № 5 железную кровать с сеткой выписать в расход по книге квартирной обстановки»².

Соответствующим образом меняли и «пришедшие в негодность стулья», в том числе и сравнительно дорогие по сравнению с остальными — венские³, и даже за счет казны были оплачены «переданные в Российское консульство три портрета царских особ», также «выписанные в расход по книге квартирной обстановки из квартиры № 1»⁴.

Персидское казачество на заключительном этапе

Тем не менее, несмотря на подобные проявления, персидские казаки продемонстрировали тогда свои лучшие качества и нанесли противнику сильный урон. Не случайно, что сам шах отметил доблесть русских офицеров, многие из которых были награждены персидскими орденами и медалями. Например, подполковнику Равичу персидский шах пожаловал орден Льва и Солнца с почетной зеленой лентой⁵.

В результате большевиков поздней осенью 1920 г. все же удалось остановить. И хотя персидские и русские казаки из-за колоссального превосходства противника не смогли освободить от красных север страны, их действия были очень успешными. Благодаря доблести пер-

¹ Там же. Л.38.

² Там же. Л.35 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.36 об.

⁵ Там же. Ф.4723. Оп.1. Д.12. Л.1.

сидского казачества и его русских учителей план советизации Персии был сорван.

Однако на этом соответствующие замыслы коммунистов не были похоронены. И сражения между белыми и красными русскими в этой стране происходили не только на фронте. Шла борьба и на «невидимом» фронте. Советское руководство рассчитывало революционизировать Персию и Афганистан и отсюда экспортировать революции в британские колонии, в первую очередь в Индию.

Среди тех, кто работал в этих странах, по данным разведки РОВС, числились многие бывшие русские офицеры и генералы. Это генерал Григоржицкий, специально командированный большевиками для проведения подрывной работы в Южной Азии, поручик Дренер, работавший по заданию коммунистов в южном Иране, а также Сергей Викторович Мединский, преимущественно работавший на севере страны. Ранее он занимал видную должность в автомобильном транспорте Ставки во время Первой мировой войны¹.

Британские интриги и ликвидация Персидской казачьей дивизии

Между тем положение в Персии все более осложнялось. Большевики, сохраняя контроль над значительной территорией этой страны, готовились продолжить наступление.

Не было единства и среди представителей противостоящих им сил. Так, освободить север Персии от красных не удалось во многом потому, что в разгар октябрьских боев 1920 г. англичане в очередной раз резко сократили финансирование персидско-русских частей, задумав ликвидацию казаков под предлогом их «слабой боеспособности» и «непригодности для службы» находящихся при ней русских офицеров.

В качестве «доказательства» они приводили примеры их недавних поражений, которые в целом не были фатальными, особенно если учесть уровень и численность противостоящих им сил.

Однако не исключено, что именно плохо организованное сентябрьско-октябрьское отступление и стало одной из весомых причин по-

¹ Там же. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.169.

следующего устранения русского командования. Так, Фадеев пишет, что после отхода главного Тегеранского отряда дивизии к персидской столице «на другой день прибывший из города Казвина на автомобиле поручик русской службы Пупейко привез приказание: «Полковнику Хабарову и капитану Фадееву немедленно прибыть в город Казвин. Генералу Реза-хану с частями присоединиться в тылу (указано место) к дивизии и принять командование ею»¹.

Уже по пути туда от поручика Пупейко стало известно, что фронт занимают английские части, а русские офицеры-инструкторы освобождены от службы в персидской армии, будут заменены англичанами и должны покинуть Персию. Эти изменения были следствием принятия шахом Ахмед-Каджаром всех условий английского правительства, к чему он был вынужден последними неудачами персидской армии»².

Но что могла сделать одна недоформированная дивизия против огромной закаленной в трехгодичных боях Красной армии, если сами британцы без боя сдавали целые города и порты, как это было в случае с Энзели?

При этом они явно кривили душой, забывая, что персидские казаки не раз показывали лучшие боевые качества, чем англичане. Например, они сильно выручили британские войска в боях в феврале—октябре 1918 г.

И именно благодаря персидским казакам и их русским учителям англичане сохранили свои позиции в южном Иране и обеспечили снабжение своих войск в Месопотамии. И это заставляет задуматься о том, чья боеспособность была реально выше.

Подобное отношение британцев объясняется тем, что, когда казаки были нужны англичанам, чтобы парировать выпады их конкурентов, те поддерживали их деньгами и снабжением. В это время Великобритания, ведущая борьбу против Германского блока на других фронтах, не могла направить сюда большой контингент своих войск. Поэтому Персидская казачья дивизия охраняла и британские интересы.

¹ Фадеев П. Указ. соч

² Он же. Указ. соч.

Но после того как турецкую угрозу в ноябре 1918 г. с окончанием Первой мировой войны устранили, англичане сразу изменили свое отношение к казакам в худшую сторону.

Примечательно, что поводом для таких действий послужила ее «неспособность полностью покончить с Кучик-ханом в Гиляне»¹. По словам инструктора Карташевского, якобы Старосельский, «занимаясь хозяйственными делами», не справился с задачами, порученными ему шахом².

Однако следует оговориться, что в октябре 1920 г., перед началом отпуска русских инструкторов, казаки почти без особых усилий разбили Кучик-хана, снова попытавшегося «оседлать ситуацию», пользуясь их затруднениями³.

На решение об увольнении также повлияли события революции и ход Гражданской войны в России. Параллельно этому влияние России в Иране падало, чем в итоге и воспользовались британцы для усиления своей власти и вытеснения русских конкурентов.

На октябрь 1920 г., время активных боев против советских войск и их местных союзников, численность персидских казаков в результате потерь и дезертирства упала до шести тысяч человек. При этом к концу того же года по плану англичан она должна была быть урезана вдвое. Командир Персидской казачьей дивизии полковник Старосельский справедливо заметил, что это — проявление падения российского влияния в Персии⁴.

Причем немалая доля ответственности за подобные неудачи приходилась на долю самих англичан, не выполнявших условия соглашения о снабжении казаков.

Однако вчерашние союзники русских этим не ограничились и в том же месяце предприняли против них явно враждебные действия. Например, в Нефпаф-абаде, где находился конный отряд Трофимова, между русскими и иранцами с одной стороны и англичанами с другой едва не дошло до вооруженного столкновения. Конфликт произошел по вине британского командования, которое предъявило казакам ульт-

¹ ГАРФ. Ф.4723. Оп.1. Д.12. Л.1; Там же. Ф.5826. Оп.1. Д.60. Л.169.

² Там же. Л.31.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф.4739. Оп.1. Д.2. Лл.1–3.

тиматум: очистить занимаемые ими помещения и впустить туда англичан¹.

Однако положение на фронте тогда было не из лучших, и оно отложило выяснение отношений с русскими до прибытия в Иран дополнительных британских сил. Кроме того, они тогда даже в два раза увеличили им прежде уменьшенное жалование: для казаков с двух до четырех туманов (один туман равнялся 10 кранам) и с 15 до 30 туманов для офицеров в месяц².

Наступление Красной армии в этой стране по данным русских инструкторов дивизии «вызвало опасение англичан за свое влияние в южной части Персии»³.

Но период «потепления» в отношениях русских и англичан продолжался недолго. После того, как угроза советизации ее отошла на второй план, британцы продолжили интриги. По информации самих русских инструкторов, тогда британский адмирал Норрис от имени властей своей страны предлагал генералу Толстову создать в контролируемой ими зоне Персии «собственную» дивизию из курдов с вариантом получения Персидской казачьей дивизии под свое командование «на английских условиях»⁴.

Они рассчитывали, что он, в отличие от прежнего ее командования, будет им полностью лоялен. Однако бывший уральский атаман отказался работать против русских интересов, и «адмирал Норрис предложил ему вместе с отрядом уральцев покинуть Тегеран», после чего он «должен был быть отправлен в Месопотамию, в существовавший там уже лагерь русских беженцев».

Также Норрис оказывал давление на персидского шаха в плане принятия от него помощи англичан (что должно было усилить влияние Лондона в Тегеране и параллельно снизить русский авторитет) под предлогом «защиты страны от красных».

По данным русских инструкторов, «шах Ахмед-Каджар раздумывал со своим парламентом, не решаясь принять окончательного решения»⁵.

¹ Там же. Л.19.

² Там же. Ф.4739. Оп.1. Д.2. Л.4.

³ Фадеев П. Указ. соч.

⁴ Он же. Указ. соч.

⁵ Он же. Указ. соч.

В это время сам полковник Старосельский буквально «бил в набат», говоря, что Персидской казачьей дивизии, «этому сорокалетнему учреждению, созданному руками России», угрожает гибель¹. Это не было преувеличением: англичане уже начали заменять русских инструкторов другими иностранцами.

Он писал 8 октября 1920 г., что «не так давно военный министр официальным письмом просил меня о назначении четырех русских офицеров-инструкторов для реорганизации Военного Министерства и сарбазской бригады “Маркези”, но потом, по желанию Восугэд-Довле (премьер-министр, ориентированный на Великобританию), туда был назначен мало знающий шведский инструктор, офицер запаса Лумберг. Замена русских инструкторов в дивизии специалистами других национальностей невозможна ввиду наличия в дивизии огромного русского имущества и потому что персидский состав ее, сроднившийся за 40 лет с русскими, не признает других»².

Однако никакие аргументы уже не могли вразумить бывших союзников по борьбе против сил Германского блока и большевиков.

Уже в начале ноября 1920 г., когда к британцам подошли подкрепления, а натиск красных удалось приостановить, они уже явно изменили отношение к казакам в худшую сторону: русских инструкторов начали массово увольнять и передавать российское имущество персам. На фоне этого между самими нашими офицерами начались дрязги, которые англичане подогревали специально для ускорения ликвидации Персидской казачьей дивизии³.

Ее инструкторы свидетельствовали, что «пока продолжались военные действия, англичане воспользовались отсутствием дивизии в Тегеране, где оставалась небольшая команда, и явились к Шаху. Английский посланник Норман и генерал Айронсайд потребовали, чтобы Шах подписал приказ об удалении полковника Старосельского и всех русских инструкторов из пределов Персии; в противном случае они грозили увести свои войска из Персии и прекратить кредиты и вообще всякого рода помощь стране.

¹ ГАРФ. Ф.4739. Оп.1. Д.2. Л.4.

² Там же.

³ Там же. Лл. 15, 17.

Британцы стали оказывать давление и на русское командование. В результате с помощью интриг им фактически удалось понизить статус комдива полковника Старосельского до начальника штаба дивизии. Дошло до того, что в ноябре 1920 г. британское командование потребовало от Старосельского, признанного и русскими, и персами «доблестным и умелым командиром», сдать свою должность младшим и неопытным офицерам.

Некоторое время он противился такому произволу, но был вынужден уйти, подчинившись воле шаха, который после некоторых колебаний дал свое согласие, подчинившись давлению британского командования. Начальником дивизии временно стал полковник князь Торковский¹. Так началось реальное изгнание из Ирана русских офицеров.

Полковник Старосельский и инструкторы пользовались большой популярностью среди народа, и удаление их из Персии вызвало неодобрение и гнев среди лидеров демократической партии и духовенства, которые предлагали полковнику Старосельскому полную поддержку, если он открыто выступит против такого решения и останется в Тегеране. Так, аятоллы предлагали ему даже бест (защита в мечети).

Между тем Старосельский в это время был арестован в Казвине известным по интервенции британских войск на российском севере генералом Айронсайдом и получил разрешение выехать в Тегеран только на 24 часа. Будучи отделен от своей казачьей дивизии, он не решился на сопротивление.

По данным его подчиненных, «в то же время англичане тайно заключили договор с Его Величеством Султаном Ахмед-Шахом об увольнении из дивизии всех русских. Английские инструкторы становились на наши места».

Показательно, что все это совпало с поражением армии Врангеля. Видя, что Белая армия проиграла, англичане окончательно решили уничтожить «оплот русского влияния» в Персии.

Вскоре англичане заменили и начальника штаба дивизии капитана Кондратьева более удобным капитаном Карташевским, сея среди казаков интриги и рознь. Первая неудачная попытка сделать это была предпринята ими 20 ноября. Против англичан, ставших господами

¹ Там же. Д.11. Л.10.

положения и почти открыто распоряжавшихся шахскими деньгами, выступать было бессмысленно, и Кондратьев уступил¹.

Сразу после этого началось повальное увольнение из дивизии русских инструкторов. Британцы, по данным капитана Константина Карташевского, с конца 1917 г. взявшие на себя финансирование казачьих ввиду отсутствия денег в персидской казне, просто сократили штаты дивизии, мотивируя это «недостатком средств». Отсутствие ресурсов у местной стороны было обусловлено фактическим крахом местной экономики, что во многом было обусловлено восстанием курдов и различных ханов на местах².

Правда, при этом он оговаривается, что «при ставленнике англичан Сепехдаре Эзем под их давлением был уволен в отставку весь русский инструкторский состав казачьей Его Императорского Величества Шаха дивизии».

И уже с 19 октября (1 ноября по новому стилю) 1917 г. число русских офицеров в ней сократилось с 41 до 27, а подпрапорщиков — с 59 до 49. Резко уменьшилось и жалование остающихся на службе русских инструкторов. Таким образом, англичане вынуждали их уйти с занимаемых ими должностей.

Между тем отчасти критика в адрес целого ряда русских командиров Персидской казачьей дивизии была справедливой. Так, командир дивизии полковник Старосельский еще 8 октября 1920 г. писал: «Безусловно, большой процент офицеров и подпрапорщиков не удовлетворяет своему назначению, но, к сожалению, я бессилён заменить их лучшими. Дальнейшее сокращение состава русских инструкторов возможно, но до известного предела, так как вся дивизия держится на них. Приезжавшие сюда наши офицеры, испробованные мной, за редкими исключениями не годятся. Движение в России не могло не наложить на них своего отпечатка, и они могут быть инструкторами разве только революционного характера»³.

И многие русские инструкторы действительно оказались не на высоте положения. Об этом говорит и тот факт, что некоторые из них

¹ Там же. Д.2. Л.27.

² Там же. Ф.5802. Оп.1. Д.1795.

³ Там же. Ф.4739. Оп.1. Д.2. Лл.1, 2.

покинули к концу декабря 1920 г. Персию и, несмотря на то, что они получили от англичан причитающиеся им деньги, не рассчитались по долгам со своим же русским командованием. В их оправдание можно сказать, что реально эти люди, жертвовавшие своими жизнями во имя благополучия и мира чуждой им страны, за свою службу сами недополучили миллионы рублей, в том числе и за участие в боевых операциях¹.

Впрочем, отчасти в подобном была вина и русского командования дивизии, которое не смогло защитить интересы подчиненных ему людей, хотя в начале 1920 г. оно еще имело для этого «силы и средства».

В любом случае, русские инструкторы подытоживают, что «с момента же удаления полковника Старосельского и русских офицеров русское влияние в Персии, естественно, было окончено.

В декабре 1920 года Персидская казачья дивизия была упразднена. В начале 1921 г. это подразделение окончательно ликвидировали, и на его базе англичане создали лояльные им вооруженные силы страны. Так кончилась многолетняя история военного сотрудничества персов и русских.

Известие об этом застало большинство из них «в поле». Так, капитан Фадеев пишет: «Во время перехода (от Решта к Тегерану. — *Ред.*) я получил приказание передать отряд старшему персидскому офицеру, а он получил приказание вести отряд в район Казвина. Вскоре все русские чины получили приказание прибыть в Тегеран для сдачи хозяйственной части отрядов... и получить расчет, и 27 октября я прибыл в Тегеран. В моем послужном списке значится: «По ликвидации дивизии оставил в ней службу 9 ноября 1920 года»².

При этом еще 18 октября вся дивизия была собрана у деревни Ага-баба, и, по приказу Шаха, командование отрядами было передано персидским офицерам. При последнем свидании с полковником Старосельским Шах сказал ему: «Я подписываю свое отречение». Вскоре Шах уехал из Персии и больше не вернулся в страну Льва и Солнца, а на шахский престол вступила новая династия Пехлеви, ро-

¹ Там же. Д.11. Лл.1, 7.

² Фадеев П. Указ. соч.

дона начальником которой был бывший генерал Персидской казачьей дивизии Реза Пехлеви»¹.

Говоря о нажиме англичан на тогдашние власти страны, русские инструкторы пишут, что «у шаха другого выхода не было, но национальное чувство персов не было удовлетворено, ибо это соглашение перемещало их из одной зависимости в другую»².

Примечательно, что и офицерский и рядовой состав британской армии не разделял позицию свою командования по отношению к русским. Так, капитан П.А. Фадеев пишет: «По пути движения к Решту нам попадались бивачные расположения английских частей. Будучи снабжены и оборудованы к ведению колониальных войн, англичане никогда не располагались в селениях у обывателей.

В память войны 1914–1918 годов они очень тепло и дружески относились к русским офицерам. При приближении нашего отряда к их расположению офицеры бивака выходили на дорогу, становясь поперек ее и, смеясь и шутя, ни за что не соглашались пропустить отряд, настаивая сделать привал, а русским офицерам посетить их удобные палатки, где были уже приготовлены закуски, пиво и в изобилии виски с прохладной содовой водой»³.

Русские офицеры и будущий персидский шах

Один из самых интересных эпизодов службы русских инструкторов в Персидской казачьей бригаде (дивизии) — их взаимодействие с будущим шахом Ирана Реза Пехлеви, служившим под их началом. По их мнению, именно они сыграли заметную роль в последующем развитии этой страны, поскольку без них этот человек не должен был стать ее правителем.

Вот фрагмент воспоминаний С. Булацель: «Гвардейским Стрелковым полком командовал сартип 2-го ранга Реза-хан, которого я знал по моей службе еще в Хамаданском отряде.

Когда же подполковник Ф. получил Тегеранский отряд, то и Реза-хан был переведен туда и назначен командиром Гвардейского Стрел-

¹ Калугин С. Указ. соч.

² Фадеев П. Указ. соч.

³ Фадеев П. Указ. соч.

кового полка. За это время сергенг Реза-хан был произведен в сартипа 2-го ранга, то есть в генерал-майоры», произведенный в этот чин, согласно свидетельствам русских инструкторов дивизии, за свои исключительно выдающиеся воинские качества.

Начал он службу рядовым казаком и дослужился до командира полка. Кроме того, что он был блестящим строевым офицером, он пользовался большим авторитетом и в полном смысле слова был настоящим начальником.

Когда я принял Тегеранский отряд, то часть его, главным образом пехота, находилась в экспедиции и возвратилась через несколько дней с сартипом Реза-ханом. Явившись ко мне, сартип Реза-хан вдруг подает мне рапорт об уходе в отставку. Зная Реза-хана еще по моей службе в Хамаданском отряде, да и потом, — а мы хорошо знали старших офицеров, — я его рапорта не принял.

Реза-хан совершенно свободно говорил по-русски, мы с ним дружески побеседовали, и я сказал, что в отставку его не пущу и что мы отлично будем служить вместе. Прошло несколько дней; опять приходит ко мне сартип Реза-хан и второй раз подает мне рапорт об уходе в отставку. Я его опять уговорил, и он остался служить.

Какая же причина побудила сартипа Реза-хана уходить в отставку? Его начальник, подполковник Ф. (Филаретов. — *Ред.*), был уволен из дивизии, как говорили, — да оно и ясно, — за непорядки в отряде во время экспедиции.

Отсюда вывод, что непорядки были в Стрелковом полку у сартипа Реза-хана, и, быть может, у него были угрызения совести, что он был в некоторой степени причиной увольнения своего начальника....»¹

После того, как в октябре 1920 г. англичане прекратили борьбу против коммунистов и добились увольнения русских инструкторов, Реза-хан всем преподнес сюрприз, которого от него не ждали.

По свидетельству ротмистра С. Булацель, «когда мы прибыли в Керманшах, то узнали новость: сартип Реза-хан, не считаясь с позицией своего нового начальства — англичан, собрал все отряды, находившиеся в Казвине и его районе, и двинулся на Тегеран. В подступах

¹ Булацель С. Указ. соч.

к Тегерану у него произошел бой с персидскими жандармами и сарбазами. С обеих сторон были убитые и раненые.

Сартип Реза-хан триумфально вступил в Тегеран. Затем он сделался военным губернатором, потом диктатором и, наконец, Его Величеством Шахом Реза Пехлеви.

В заключение могу сказать, что, когда я командовал Тегеранским отрядом и сартип Реза-хан мне два раза подавал рапорт об уходе в отставку, прими я его рапорт, дай ему ход, я совершенно уверен, что его желание было бы исполнено. Никакого отношения он к дивизии не имел бы и Его Величеством Шахом никогда бы не стал»¹.

А вот воспоминания от 9 февраля 1929 г. другого офицера Персидской казачьей дивизии Верба² о совместной службе с будущим шахом Персии:

«...Уже война с Турцией была почти объявлена (1914 г.) и граница с Месопотамией — почти закрыта, но паломники и караваны все еще продолжали ходить по инерции. Здесь еще не было слышно грома пушек и не было еще воюющих сторон.

В моем отряде в то время находился теперешний шах Персии, он был там в чине капитана и командовал полуротой, я его послал из Керманшаха в небольшую экспедицию против курдов в Суингур. Он кого-то разбил, кого-то повесил и усмирил. Этот недюжинный человек был четыре раза в моем прямом подчинении, и я здесь остановлюсь подробнее на его личности и его карьере.

Впервые я с ним столкнулся, придя с отрядом персидских казаков в город Хамад. Я был тогда новичком в Персии и ехал в Курдистан, сопровождая губернатора. Небольшой наш отряд находился под командой полковника Ушакова.

В старое время престиж русского имени и офицера в Персии был велик. По приезде ко мне явился губернатор и другие власти. В честь моего приезда был обед у губернатора и здесь я познакомился с высоким, крепкого сложения офицером с мужественной осанкой, решительного вида — это был султан Реза-хан, слывший храбрым командиром.

¹ Он же. Указ. соч

² После расформирования дивизии стал начальником автопожарной команды Тегерана.

И невольно вся его осанка и наружность внушали доверие и уважение. Держал он себя скромно и просто, был одет скорее бедно, но чисто. Его наружность не отличала в нем перса, сам он был родом из гор Савадкуха, местности, лежащей в трех переходах от Тегерана на пути к побережью Каспия в Марайдерам.

Спустя три месяца на усиление моего отряда для действий против курдов была выслана мне полурота во главе с Реза-ханом. Я часто звал его к себе и разговаривал с ним. Он был настоящим воякой, но под его кителем скрывалась бурная энергичная натура и сильная воля.

Как-то я послал его окружить одно небольшое укрепление с курдами-разбойниками и захватить их, что ему не удалось. Исполнив задание маневра, он не смог взять их, поскольку они заперлись в башне и убили нескольких наших казаков. Им благоприятствовала местность.

Получив донесение об этом, я взял людей, которые были под рукой, и выехал в горы, хотя нас было мало. Прибыв через три часа к месту боя, я оценил обстановку. Взять башню действительно было трудно. Это было целое [оборонительное] сооружение, которое не поддавалось огню горного орудия.

Курды метко отстреливались. Пулеметы, хотя и работали хорошо, ничего не могли сделать. Они били по башне, от которой летели пыль и мелкие камни, но она, конечно, не пробивалась.

Я стоял рядом с шахом на позиции на возвышенности. Мимо свистели пули, а он был спокоен и невозмутим под огнем.

Решили под сумерки пойти на штурм и двинуть всех людей, но курды успели вывести лошадей, вскочить на них и прорваться через линию слабых постов по ту сторону небольшой деревеньки, на окраине которой и стояла башня.

Правда, внутри ее кроме массы стреляных гильз была кровь. Нам это стоило жизни нескольких казаков.

Шах был опечален нашей неудачей, но этот день во мне внушил к нему еще большее уважение: он был, безусловно, храбрым и очень решительным человеком, что впоследствии и доказал, заняв исток Кадмаров.

Второй раз, когда я был снова командирован в Персию Генеральным Штабом как офицер, знающий язык и страну, я уже застал Шаха

Ули Сергенбом (подполковником). Тогда, летом 1916 г., в Тегеране царил паника. Турки заняли Хамадан.

Командующий казачьей бригадой полковник Борис Степанович Продаркевич, личность, ничего из себя не представляющая, впал в панику и решил уехать в Решт. Предварительно он собрал персидских генералов и офицеров, перед которыми держал речь о своем отряде и так глупо себя вел, что сразу одним этим подорвал к ним доверие и в силу этого только 14 персидских офицеров и 500 казаков вышли с ним в лагерь Каср-Каджд, находившийся в шести верстах от Тегерана.

Старшим среди них был Реза-хан. Он был очень предан русским офицерам и следовал за ними без рассуждений. Командование этим отрядом было поручено мне.

Прозаркевич представлял собой труса. Миссия (дипломатическая. — *Ред.*) была в панике. Приехали на совещание с графами генерал-лейтенантом Нирод и полковником Одльберг. В принципе, было решено эвакуировать русскую колонию. Реза-хан ходил по лагерю и готовил свой патронташ к походу на Мешхед. В случае надобности я должен был отходить по Хорасанской дороге.

Но турки, обойдя Хамадан, остановились. Их, видимо, пугала длинная необеспеченная линия с Багдадом, а главное — незначительность их сил. Будь их больше, они бы свободно могли отбросить русские войска к Каспию и занять Тегеран.

Прозаркевич и не думал оборонять Тегеран и решил не оставаться при шахе. Это был офицер, не поехавший добровольно на войну и попавший туда случайно, не будучи даже офицером Генерального Штаба, оставленный князем Вадбольским его замещать.

Спустя год, в 1917-м, я прибыл из Исфахана, где формировал отряд: бригада разворачивалась в дивизию. У нашей канцелярии я встретил Реза-хана. Он подошел ко мне и просил рекомендовать его на должность батальонного командира: «Вы должны меня отметить, я способен на занятие лучшей должности, чем командир роты».

Я позвал его и представил полковнику Филаретову. С этого дня началась его дальнейшая карьера.

В 1918 г. полковник Филаретов произвел против полковника Клерма, назначенного вместо барона Майделя, начальником дивизии, переворот. Во главе батальона стоял Реза-хан. Этот поступок пол-

ковника Филеретова дал Реза-хану идею и впоследствии, будучи уже премьер-министром, и находясь на пути к шахскому трону, он ему сказал: «Я сделал так, как ты — этому я научился от тебя».

Осенью 1919 г. Реза-хан был опять под моей командой в Тарайдуране. Здесь он был недолго, заболел и уехал в Тегеран. Кроме того, он стоял передо мной больной и говорил, что очень желает, но не может продолжать экспедицию.

Был момент, когда он готов был уйти в отставку. Произошло это, когда полковник Старосельский отчислил полковника Филаретова, который и посадил его на место начальника дивизии. Реза-хан остался без своего любимого командира и готов был уйти на покой. Ротмистр Булацель уговорил его этого не делать. Не отговори он его — история не узнала бы его имени.

В последний раз я командовал Тегеранским отрядом, а Реза-хан — гвардейским пехотным полком и был флигель-адъютантом шаха. Видный и уже великий, он ходил перед полком на занятиях. У нас с ним сохранялись всегда наилучшие отношения.

От меня отряд принял полковник Хабаров, тип простого грубого офицера из туркестанских стрелков, окончивший Казанское пехотное училище. Здесь с Реза-ханом произошел инцидент, который его сильно оттолкнул от русских офицеров и, к сожалению, оставил у него неприятные воспоминания.

Хабаров его грубо и безжалостно выругал в момент выхода в экспедицию против большевиков. Реза-хан, побагровев, сорвал с себя погоны и заявил ему: «Я служу 20 лет, и никто из русских офицеров меня не смел так ругать, и я ухожу!»

В ответ на это Хабаров заявил: «Боишься идти в экспедицию!»

Еще больше побагровев, Шах сказал: «Я пойду, но кто из нас боится, это мы еще увидим».

Действительно, в этой экспедиции полковник Хабаров проявил трусость. А Реза-хан, сохранив спокойствие и храбрость, благополучно вывел его с отрядом из [затруднительного положения. — *Ред.*] в труднопроходимом лесу Гиляна.

По ликвидации нас англичанами он не позволил себе ничего оскорбительного по отношению к кому бы то ни было из бывших русских чинов дивизии и всегда был готов им помочь.

Простой солдат — он стал шахом. Воспитанный в военном деле русскими офицерами, он не забыл своих учителей и даже сейчас, встречая оставшихся в Персии наших соплеменников, он всегда оказывает им помощь, разговаривая при встрече и предлагая службу. Так, принимая полковника Филаретова, он дал ему место и даже из своих средств пенсию»¹.

В пользу данного свидетельства о личности Хабарова свидетельствует и капитан П.А. Фадеев. По его словам, в конце сентября, когда большевики повели наступление из Энзели и далее из Решта в глубь Персии, основные силы дивизии (Тегеранский отряд) Хабарова стали отступать. При этом его адъютант капитан Бондырев передал начальнику группы персидских казаков капитану Фадееву для отступления «ждать второго вызова...».

Однако он так и не был получен.

Прошло добрых полчаса. Вызова никакого нет, а артиллерийская стрельба слышна уже далеко сзади нас, под Рештом. И, чтобы не оказаться в окружении красных, с командиром батальона, хорошо говорившим по-русски, мы решили, не дожидаясь вызова, отойти на Пир-Базар.

В Пир-Базаре полковника Хабарова уже не было. Приказ об отходе по телефону будто был мне дан.

Полковник Хабаров отказывался верить мне, что батальон прошел через Решт. По его словам, он оставил Пир-Базар на два часа раньше меня (приказание мне об отходе будто было мне дано по телефону) и через Решт пройти уже не мог, так как он был занят красными.

Не доходя до Решта, он с отрядом повернул вправо и через рисовые поля и болота, утопив двух мулов с пулеметами, смог выйти на шоссе.

Бондырев с артиллерией и обозами успел пересечь Решт до занятия его красными. С ним был и мой Фофанов. Во время этих разговоров пришел Реза-хан, подтвердивший мой доклад на основании донесения командира батальона.

И этому не поверил полковник Хабаров. Был вызван командир батальона — в результате полковник Хабаров был сильно смущен»².

¹ ГАРФ. Ф.5881. Оп.2. Д.289. Лл.13–16.

² Фадеев П. Указ. соч

А вот другой фрагмент воспоминаний инструктора П.А. Фадеева, в котором он также дает будущему персидскому шаху наилучшую характеристику: «До отъезда на позицию мне было необходимо познакомиться и повидаться с командиром Тегеранского пехотного полка, а именно с тем самым Реза-ханом Пехлеви, исторической личностью, который сыграл такую крупную роль в судьбах Персии.

В то время мне казалось, что ему было за 50 лет, и указание французского историка, что он родился в 1878 году (то есть в 1920 году ему должно было быть 42 года), считаю сомнительным. Роста он был большого, весьма представительной наружности, с сединой в висках. Спокойный, приветливый, он хорошо говорил по-русски.

Из дальнейшего с ним знакомства и из рассказов офицеров, служивших долго в Персидской армии, стало известно, что он прибыл из провинции Пехлеви, граничащей с Кавказом, поступил в Персидскую армию, как и все, вольнонаемным простым «казакom».

С этого момента и началась «сказка из 1001 ночи». Происхождения он, как и герой сказки, очень скромного. Приставки к именам «хан», «ага», «али» и прочие, обычные для Персии, не означают еще высокого происхождения. Все рядовые «казаки»-персы имели такие приставки. Вскоре он стал вестовым у одного из русских офицеров-инструкторов.

Возможно, что уже тогда он говорил по-русски, но, будучи вестовым, усовершенствовался в русском языке, научился читать и писать. Затем, кончив учебную команду, молодой, красивый и ловкий, Реза вернулся в строй.

В провинциях в то время происходили постоянные стычки с недовольными, «вечная война». Реза отличается, производится в офицеры и к 50 годам своей жизни он, генералом, командует самым большим и лучшим Тегеранским полком»¹.

Особое внимание Фадеев уделяет дальнейшей роли Реза-хана в истории Персии. По его словам, «большевики, зная хорошо настроения в Персии, не дремали и через головы англичан связались с национальными кругами персов, предлагая им полную независимость ценой освобождения страны от англичан и их сторонника, шаха Ах-

¹ Он же. Указ. соч

мед-Каджара. Во главе этой национальной группы оказался генерал Реза-хан Пехлеви.

Не успели англичане укомплектовать своими инструкторами персидские войска и усилить свои части, как были атакованы с фронта Красной армией, а с тыла Персидской, Реза-хана. Им ничего не оставалось, как разоружиться и покинуть поначалу пределы Северной Персии.

Реза-хан, уже в роли председателя национального движения, совместно с частями Красной армии занял Тегеран. Шах Ахмед-Каджар был своевременно отправлен в Англию, и Реза-хан без осложнений создал свое правительство.

Расширив конституцию, данную еще Ахмед-Каджаром, усилив и вооружив армию, Реза-хан привел к послушанию всех непокорных или пытавшихся отделиться по этому случаю провинций, как Гилян, шейхов Азербейджана и др.

Рядом социальных законов, практических мер улучшения экономического положения страны, ее финансов Реза-хан привел Персию в порядок, дав населению полное удовлетворение и успокоение. Будучи полным хозяином в стране, в 1925 году Реза-хан объявил себя шахом Персии и занял персидский престол, подобно Наполеону во Франции.

В 1941 году он добровольно уступил престол своему сыну, теперешнему императору Ирана Магомет-Реза-Пехлеви»¹.

В свою очередь, по словам инструктора Вербы, «он поднял свою страну, организовал довольно приличную армию, привел в повиновение феодалов, уничтожил феодальный строй, заставил всех работать и положил основание железной дороге в своей стране.

Но все-таки без специального образования ему было нелегко справиться со всеми этими задачами. Однако, умело подбирая себе помощников, он стал первым шахом этой страны за 300 лет, который вывел ее из вековой спячки»².

При этом Фадеев характеризует его как хорошего друга и коллегу: во время отступления в конце сентября из-под Решта «на ночлеге

¹ Фадеев П. Указ. соч.

² ГАРФ. Ф.5881. Оп.2. Д.289. Лл.13–16.

Реза-хан пригласил меня зайти к нему. Мой конь окончательно сбил подковы и захромал, чего не мог не заметить генерал. Оставив меня на «стакан чая», он мне предложил заводного коня.

Во время этого блуждания по горам я не раз пользовался его любовью, так как из Пир-Базара я вышел без своего вьюка и в том, в чем был на постах»¹.

Русские военные в Персии после расформирования дивизии

Бывшие русские инструкторы писали: «По договору (с британским командованием. — *Ред.*), мы все должны были быть эвакуированы на английский счет и куда кто хотел. Сборным пунктом была назначен город Казвин. Все, конечно, ехали через Персию на Багдад, Индию... и только один офицер из всей дивизии, поручик Самойлов (Ив. Дмитр.), поехал в СССР.

Эвакуируемых, считая семьи, было более двухсот, а перевозочных средств — мало, и в Казвине надо было ждать очереди. Во время нашего пребывания в Казвине мы встречали своих сослуживцев — персидских офицеров, и все они насмешливо и иронически отзывались о своих новых начальниках-англичанах.

Сардара Старосельского и начальника штаба дивизии полковника (амир-тумана) Генерального штаба Филиппова эвакуировали немедленно, чтобы, так сказать, нас поскорее обезглавить. Я тоже скоро был отправлен, и не сомневаюсь, что причина была та, что ко мне в гостиницу часто приходили бывшие сослуживцы, персидские офицеры»².

По словам самих бывших русских инструкторов, «русские офицеры получили расчет жалованьем за шесть месяцев вперед (и за четыре месяца те, кто пробыл в дивизии меньше полугода), каждому было дано письменное обязательство от имени английского правительства доставить каждого в любую страну с содержанием в пути согласно его положению.

Первым этапом был указан Бомбей, через Багдад. Все свои обязательства английские власти выполнили даже с избытком»³.

¹ Фадеев П. Указ. соч.

² Калугин С. Указ. соч

³ Фадеев П. Указ. соч